

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ
ДЛЯ XXI ВЕКА**

VII международная научная конференция

Москва, 18–20 ноября 2010 г.

Доклады и материалы

Секция 6

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Выпуск 2

Москва

Издательство Московского гуманитарного университета

2010

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект 10-06-14117Г)

В93 Высшее образование для XXI века:
VII международная научная конференция. Москва,
18–20 ноября 2010 г.: Доклады и материалы.
Секция 6. Высшее образование и мировая культура.
Выпуск 2 / отв. ред. Вл. А. Луков, Н. В. Захаров. —
М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2010. — 91 с.

В выпуске 2 публикуются материалы докладов,
представленных участниками VII международной научной
конференции «Высшее образование для XXI века».

Ответственные редакторы:
доктор филологических наук, профессор
Вл. А. Луков
доктор философии (PhD), кандидат филологических наук
Н. В. Захаров

Ответственный за выпуск:
кандидат философских наук Б. Н. Гайдин

© Авторы докладов, 2010.
© МосГУ, 2010.

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАН В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

С. В. Луков, Б. Н. Гайдин

(Московский гуманитарный университет)

The Collaboration of Russia and European Countries in the Field of Higher Education and the Dialogue of Cultures

S. V. Lukov, B. N. Gaydin

(Moscow University for the Humanities)

В докладе сотрудничество России и Европы в образовательной сфере представлено как форма диалога культур. Публикация подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых (МК-4525.2009.6).

Ключевые слова: высшее образование, диалог культур, европейское сотрудничество.

Несмотря на многочисленные высказывания экспертов в различных областях о возможных отрицательных и даже катастрофических последствиях ратификации Россией Болонских соглашений, наша страна еще в начале 1990-х годов встала на путь интеграции в единое европейское образовательное пространство. В 2009 году, согласно подписанным соглашениям, все высшие образовательные учреждения страны должны были выполнить целый ряд требований. Этот процесс, тем не менее, затормозился, и более или менее последовательно проведена работа преимущественно в вопросах введения ЕГЭ и порядка признания его итогов при поступлении в вуз. Менее активно формируются образовательные программы, конвертируемые в европейскую образовательную систему.

Многие исследователи данной проблематики указывают на ментальную неготовность как студентов, так и преподавателей к реалиям единой европейской образовательной системы. Российским студентам зачастую очень сложно привыкнуть к той степени самостоятельности, которую предполагают Болонские соглашения: многие просто не готовы сами выбирать учебные курсы и образовательные маршруты. В свою очередь некоторые преподаватели

могут оказаться не конкурентоспособными в ситуации свободного выбора предметов студентами¹.

По статистике 2008 года большая часть студентов предпочитали получать диплом специалиста, даже если на их факультетах был открыт бакалавриат. Это можно объяснить тем, что традиционно на рынке труда именно специалист имеет больше шансов найти работу, когда как зачастую работодатели плохо представляют, что следует понимать под степенью «бакалавр»². Очевидно, что должно пройти как минимум несколько лет, чтобы рынок адаптировался к наплыву новоиспеченных бакалавров и магистров.

При всех многочисленных проблемах, с которыми столкнулись российские вузы, всем участникам образовательного процесса от студентов до руководителей вузов и министерств важно осознать, что реалии мировой конъюнктуры диктуют свои условия к каждому из нас, что «закрывать двери» и обращать никакого внимания на происходящее за рубежом уже слишком поздно и чревато. Теперь практически бесполезно просто констатировать все «ужасы» и «беды», в которых оказалось высшее образование России из-за вступления страны в Болонский процесс. Необходимы конструктивная критика и реальные предложения как на уровне отдельных вузов, так и на уровне стран-участниц. Ведь права попытаться умело использовать не только отечественный, но и международный опыт организации высшего образования у нас никто не отнимал. Именно в этом и можно увидеть главный положительный эффект ратификации Болонской декларации³.

Конкретное состояние проблем вхождения российских вузов в Болонский процесс рассмотрим на примере Петрозаводского государственного университета (ПетрГУ).

Международное сотрудничество российских вузов: петрозаводский опыт. ПетрГУ был образован в 1940 году (до 1956 года — Карело-Финский государственный университет) и в настоящее время

¹ См., например: Кадагидзе А. Г. Болонский процесс и проблема подготовки студентов неязыковых вузов как специалистов со знанием иностранного языка // Материалы и доклады Международной конференции «Интеграция европейского и российского высшего образования: применение единых образовательных стандартов». Петрозаводск, 2009.

² См., например: Швец Л. П., Предтеченская Н. В., Милюкова И. А. Реализация принципов Болонского процесса: на примере деятельности государственных университетов Карелии // Фундаментальные исследования. 2008. № 5. С. 133.

³ См., например: Гладких Б. А. Может ли Болонский процесс стимулировать повышение качества и эффективности образования в российском вузе? // Экономика образования. 2007. №6. С. 4–15.

является крупным образовательным центром России. В рейтинге Минобрнауки РФ вуз стабильно занимает 30–35-е место в рейтинге классических российских университетов. По типу образовательной и научной деятельности он является классическим университетом, стремящимся стать инновационным центром и войти в число лидеров в области высшего профессионального образования в Северо-Западном регионе России. Географическое положение республики Карелии во многом определило ее тесное сотрудничество преимущественно со странами Баренц-региона, в частности, с Финляндией, которая, будучи полноправным членом Европейского союза с 1995 года, участвует в Болонском в процессе с момента ратификации 19 июня 1999 года декларации «Зона европейского высшего образования» министрами образования 29 европейских государств. Таким образом, ПетрГУ как головной вуз системы Министерства образования и науки РФ на Европейском Севере страны является значимым объектом для анализа того, как проходит процесс интеграции российских вузов в европейскую систему образования⁴.

В литературе о Болонском процессе в целом и месте в нем нашей страны в частности среди положительных сторон интеграции называют получение выпускниками «конвертируемых» дипломов, возможность «экспорта образовательных услуг», повышение уровня академической мобильности⁵. Если о степени валидности российских дипломов в странах-участниц Болонского соглашения говорить еще рано, а о конкурентоспособности большинства вузов России по многим параметрам — несколько опрометчиво, то судить об уровне мобильности в том или ином учебном заведении намного проще.

В ПетрГУ ведется работа по развитию мобильности как студентов, так и профессорско-преподавательского состава путем вовлечения их в различные программы в рамках сотрудничества с вузами-партнерами из Финляндии, Германии, Бельгии, Великобритании, Швеции, Норвегии, Южной Кореи. Университет активно расширяет контакты с

⁴ См. более подробно: Захаров Н. В., Гайдин Б. Н. Case study: Петрозаводский государственный университет // Высшее образование и гуманитарное знание в XXI веке : Монография-доклад Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета на VI Международной научной конференции «Высшее образование для XXI века» (Москва, МосГУ, 19–21 ноября 2009 г.) / под общ. ред. Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2009. С. 29–33.

⁵ См., например: Нилов В. Философский конгресс: взгляд в будущее [Электронный ресурс] // Газета «Петрозаводский университет». URL: <http://petsu.ru/Structure/NewsPaper/2005/0624/3.htm>

зарубежными вузами, международными фондами и организациями, участвует в создании и продуктивной деятельности международных научно-образовательных центров на базе Североевропейского открытого университета (СЕОУ).

Университет ежегодно проводит подготовку и реализует в среднем более 30 крупных международных проектов. Студенты и преподаватели активно участвует в проектах Шведского института (швед. *Svenska Institutet*), Норвежского научно-исследовательского совета (норв. *Norges forskningsråd*), Баренц-секретариата, Совета министров Северных стран, Центра международной мобильности (*CIMO — Centre for International Mobility*, Финляндия), Германской службы академических обменов (нем. *DAAD — Deutscher Akademischer Austauschdienst*), Американского совета по международным исследованиям и обменов (англ. *IREX — International Research and Exchanges Board*), фонда «Евразия», Института «Открытое общество», Фонда северных инициатив (Канада) и др.

ПетрГУ имеет успешный опыт осуществления программ двойных дипломов. Например, в рамках Финляндско-российского трансграничного университета (англ. *The Finnish-Russian Cross-Border University*). Сотрудничество ведется по шести направлениям: лесоводство и экологический инжиниринг, бизнес и управление, информационные технологии, международные отношения, здравоохранение и история⁶. Данный проект стал одним из пилотных по участию РФ в Болонском процессе⁷.

В 2008 году в ПетрГУ общее финансирование международных проектов составило более 43 млн руб. Среди направлений сотрудничества университета на международном уровне можно назвать: совместные образовательные проекты, научные исследования, инновационно-производственные проекты, проведение конференций и семинаров, организация летних школ, обменные программы для преподавателей и студентов, создание международных сетей партнерских организаций, развитие сотрудничества в области культуры, спорта, здравоохранения.

⁶ См.: CBU: The Finnish-Russian Cross-Border University, master degree programmes in Finland and Russia | Study programmes. URL: <http://cbu.fi/en/ohjelmat/>

⁷ См.: Магистратура программы «Трансграничный университет» как пилотный проект по участию Российской Федерации в Болонском процессе [Электронный ресурс] // Петрозаводский государственный университет. URL: <http://petsu.ru/Faculties/Politology/magistrat.html>

Безусловно, все вышеперечисленное положительно сказывается на личном профессиональном опыте как преподавателей, так и студентов. Рост числа международных контактов благоприятно отразился на качестве образовательного процесса в университете.

Таким образом, в ПетрГУ накоплен достаточно богатый опыт сотрудничества не только с европейскими, но и вузами и различными образовательными организациями других регионов мира. В этом с легкостью можно убедиться, обратившись к официальному сайту университета www.petrso.ru.

Однако очевидно, что российские вузы в настоящее время вынуждены решать целый комплекс сложных проблем. Среди возможных негативных последствий исследователи часто выделяют следующее: возможный рост «утечки мозгов», вероятность забвения лучших отечественных образовательных разработок и утери научных традиций, «принудительная бакалавризация всей страны» (О. Н. Смолин)⁸, т. е. проблемы обладателей степени бакалавра с трудоустройством и др. Эти проблемы понимаются и в ПетрГУ, и руководством, преподавателями и студентами ПетрГУ ищутся пути разрешения «проблемных кластеров» образовательного процесса на предмет соответствия его Болонским стандартам.

В университете постоянно организуются различные семинары, круглые столы, конференции, многие из которых в тех или иных аспектах посвящены Болонскому процессу. К примеру, в 2007 году на кафедре иностранных языков технических факультетов ПетрГУ был проведен научный семинар «На пути к Болонскому процессу». Приглашенные участники обсудили плюсы и минусы нововведений, изменения в требованиях к качеству образования, а также опыт европейских стран (на примере Германии и Бельгии)⁹.

Для оценки качества образования в университете на базе Лаборатории социологических исследований проводятся опросы студентов (главным образом, первокурсников и выпускников), преподавателей, а также работодателей. В свою очередь для стимулирования роста качества образовательного процесса в ПетрГУ функционирует Факультет повышения квалификации, на котором

⁸ См.: Смолин О. Н. Нужна ли всеобщая бакалавризация [Электронный ресурс] // Смолин Олег Николаевич — Официальная сайт. URL: <http://www.smolin.ru/actual/comments/2007-04-30-korolenko.htm>

⁹ См.: Тервинская Ю. На пути к Болонскому процессу [Электронный ресурс] // Газета «Петрозаводский университет». URL: <http://petrsu.ru/Structure/NewsPaper/2007/0504/4.htm>

читаются курсы по новым педагогическим технологиям, управлению качеством образования, а также по современным образовательным технологиям. В этом процессе принимают активное участие преподаватели кафедры педагогики и психологии, которые не только помогают осваивать новые педтехнологии и проводят различные тренинги, но и выступают в качестве экспертов (например, в рамках конкурсов новейших педагогических технологий) и консультантов студентов и профессорско-преподавательского состава.

В качестве мер по подготовке квалифицированного персонала за последние несколько лет можно отметить следующие мероприятия:

— обучение на курсах по управлению качеством образования (72 часа в лучших образовательных центрах страны), среди них — 5 человек на уровне ректората, 9 человек из числа ответственных за систему качества;

— двухдневный выездной обучающий семинар по Типовой модели системы качества вуза для членов ректората и деканов, организованный директором ЦМКО «ЛЭТИ», руководителем группы по разработке Типовой модели С. А. Степановым (июнь 2006 г.);

— обучение на базе ПетрГУ: 28 человек из числа ответственных за систему качества на факультетах и заведующих кафедрами и их заместителей — на курсе Факультета повышения квалификации ПетрГУ «Управление качеством образования»¹⁰.

Таким образом, в ПетрГУ ведется интенсивная работа с целью решения приоритетных задач для эффективного функционирования системы менеджмента качества (конкурсы лекций и учебно-методических разработок, обучение преподавательского состава новейшим технологиям)¹¹. В университете большое внимание уделяется обучению именно молодых преподавателей с тем, чтобы создать предпосылки для возникновения группы наиболее профессионально подготовленных преподавателей, способных решать наиболее сложные проблемы переподготовки университетских кадров.

¹⁰ См. : Сюнёв В. С. Опыт построения, функционирования и развития системы качества в ПетрГУ // Материалы и доклады Международной конференции «Интеграция европейского и российского высшего образования: применение единых образовательных стандартов». Петрозаводск, 2009.

¹¹ О механизмах повышения качества образования см., например: Повышение качества высшего профессионального образования в контексте Болонского процесса : материалы постоянно действующего семинара / под общ. ред. И. М. Ильинского ; отв. ред. Э. Ш. Камалдинова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008.

Контроль качества выше обозначенной работы осуществляет Учебно-методический Совет.

Отметим, что среди задач, стоящих перед ПетрГУ, были выделены несколько приоритетных, решение которых намечено на ближайшую перспективу: 1) реализация мер различного рода для повышения эффективности процедуры рейтингования кафедр; 2) разработка Положения о внутреннем аудите; 3) создание системы критериев оценки качества деятельности профессорско-преподавательского состава.

Начальник учебно-методического управления ПетрГУ А. Г. Мезенцев в своем докладе на прошедшей 2–3 апреля 2009 года Международной конференции «Интеграция европейского и российского высшего образования: применение единых образовательных стандартов» среди имеющихся предпосылок успешной реализации положений Болонских соглашений в карельских вузах назвал достаточно высокий уровень развития сферы информационно-коммуникационных технологий, наличие и постоянное совершенствование систем управления качеством, а также осуществление программ непрерывного повышения квалификации. Среди положительных тенденций в процессе интеграции вузов Карелии в единое европейское пространство также были названы проведение различных социологических исследований рынка труда, оценка мнений студенческого контингента о получаемых ими образовательных услугах, а также повышение академической мобильности студентов и преподавателей¹².

Одной из самых насущных проблем вузов региона в аспекте реализации принципов Болонского процесса, по мнению А. Г. Мезенцева, является переход на двухуровневую систему обучения бакалавр — магистр, при котором возникают сложности подготовки вузовских преподавателей, поскольку в аспирантуру невозможно поступить, будучи бакалавром, а для получения возможности приема туда магистров вузу необходимо пройти сложную процедуру лицензирования. Был отмечен ряд действий Рособразования в целях упрощения данной процедуры, однако они проводятся в основном только по некоторым техническим (инженерным) специальностям, тогда как по другим (особенно по специальностям гуманитарного направления) процедура по-прежнему остается крайне обременительной¹³.

¹² См. : Мезенцев А. Г. Болонский процесс в вузах Карелии — региональный аспект // Мат. и докл. Международной конф. «Интеграция европейского и российского высшего образования: применение единых образовательных стандартов». Петрозаводск, 2009.

¹³ См. : там же.

По оценке проректора по учебной работе ПетрГУ В. С. Сюнёва, университет в настоящее время находится на стадии «определения и описания рабочих процессов и разработке документации системы качества»¹⁴, при этом проблемы видятся в следующем:

- «“замыливание” и “девальвация” понятия «качество» в непосредственной учебной деятельности вуза;
- рост объема теоретических познаний и наработок входит в противоречие с реальной “потребностью в качестве”;
- гипертрофированная забота о “прибыли”, что выражается в активном нежелании отчисления явно неуспевающих студентов, особенно обучающихся на внебюджетной основе;
- слабая вовлеченность персонала;
- недостаточная компетентность руководителей всей системы менеджмента качества (опора только на личный профессиональный опыт);
- неясное распределение функций и ответственности в системе качества;
- отсутствие необходимых полномочий;
- отсутствие методологии постановки целей (метод проб и ошибок)»¹⁵.

Таким образом, можно сказать, что ПетрГУ, как и многие другие вузы России, проходит длительный этап интеграции в общеевропейское образовательное поле. Болонские соглашения вступили в силу, однако очевидно, что значительная часть работы еще впереди. Проведенный опрос ректоров вузов Северо-Западного федерального округа свидетельствует о «настороженном оптимизме» руководителей: все осознают, что процесс уже во многом необратим и в некоторых аспектах необходим, однако налицо тот факт, что достичь положительных результатов за короткий срок не удастся¹⁶.

Исходя из примера ПетрГУ, можно предположить, что крупные российские вузы способны достаточно успешно решать задачи по развитию мобильности студентов и сотрудников, расширять международное сотрудничество, без которого невозможно создание единого европейского образовательного и исследовательского

¹⁴ Сюнёв В. С. Указ. соч.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См. : Воронов Б. В. Болонский процесс и вузы Северо-запада России [Электронный ресурс] // Ресурсный центр социально-гуманитарных исследований факультета. URL: <http://www.rcenter.spb.ru/bolonsk/articles/voronov.shtml>

пространства, а также искать механизмы развития контроля качества образования.

С другой стороны, ясно, что без помощи государства многие проблемы решить не удастся. Необходима напряженная работа всех вузов в тесном сотрудничестве с официальными органами различных уровней, а также независимыми экспертами. Ведь важно не только помочь российским высшим учебным заведениям в данном сложном и во многом болезненном деле, но также максимально продумать механизмы сохранения «сильных» сторон российского образования, причем при необходимости следует учитывать специфику каждого отдельного вуза.

Современный этап сотрудничества российских и немецких вузов в аспекте диалога организационных культур. Сотрудничество российских и немецких вузов на современном этапе определяется настойчивым стремлением к расширению взаимодействия как студентов, так и преподавательских коллективов. На постоянной основе этот процесс возможен, если 1) обеспечивается открытость вузов для приема студентов из другой страны, приезда по приглашению преподавателей и т. д.; 2) организуются совместные образовательные программы. В аспекте диалога организационных культур преимущественно следует рассматривать второе из указанных условий.

Обоснуем это утверждение. Первый путь — поступление на учебу или направление преподавателей в другую страну — означает естественное принятие участниками таких обменов организационной культуры принимающей стороны. Прибывающие для обучения в чужую страну студенты просто встраиваются в образовательный процесс, построенный по правилам, принятым в этой стране. То же касается преподавателей. Если они не образуют достаточно крупных землячеств (диаспор) на территории страны пребывания, то никакой автономии в области организационной культуры они поддерживать не смогут.

Насколько велики эти землячества (диаспоры) из немцев, обучающихся в российских вузах? Данные обследования, проведенного в 2006/2007 учебном году Министерством образования и науки РФ показывают, что граждане Германии, обучавшиеся в это время в вузах России, нигде не составляли крупных контингентов. Самые большие группы отмечались в Санкт-Петербургском государственном университете (225 студентов, обучавшихся по очной форме, и 3 — по заочной), Государственном институте русского языка имени А. С. Пушкина (соответственно 178 и 2), Московском государственном

университете имени М. В. Ломоносова (43 и 1). Если учесть масштабы двух указанных университетов, то ни о каких компактных группах немецких студентов в российских вузах в них не может быть и речи. В других же вузах число немецких студентов еще меньше, и из 136 вузов России, в которых учились немецкие студенты в этот период, в 58 учились всего по одному студенту (Вологодский государственный технический университет, Московский авиационный институт, Пензенский государственный университет, Челябинский государственный университет, Ижевский государственный технический университет и др.), в 25 по два (Уральский государственный университет им. А. М. Горького, Таганрогский государственный педагогический институт, Иркутский государственный технический университет, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева и др.), в 10 по три (Пермский государственный университет, Уральский государственный экономический университет, Новосибирский государственный медицинский университет, Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского и др.) и т. д.¹⁷, т. е. на вузы с не более чем тремя немецкими студентами приходилось более двух третей (68,4%) от всех российских вузов, где обучались граждане Германии. Очевидно, что немецкие студенты на период учебы в российских вузах оказываются просто частью российской образовательной системы и принимают ее установки.

В интервью с экспертом Олафом О., который учился в советское время в одном из вузов Минска, а сейчас работает в Москве в качестве руководителя немецкого предприятия, мы получили следующую оценку: «Я был в шоке, особенно когда оказался в студенческом общежитии. Но меня быстро научили пить водку и ругаться матом, а остальное освоилось само собой. Тогда и учиться стало интересно. Я стал как русский, и на мир так глядел. Мне все стало здесь нравиться, даже всеобщий бардак. Даже то, что студенты жили коммуной, брали друг у друга продукты, деньги, вещи, не спрашивая, потом вместе голодали, денег никогда не хватало. У профессуры — тоже. Все — как одна семья, в Германии такого нет. Потом долго отвыкал от российского стиля, к которому так привык, но когда стало возможно работать в России, этот студенческий опыт сослужил свою службу. Я стал, можно сказать, главный эксперт по русской организации дела и многих консультирую,

¹⁷ Рассчитано по статистическим данным, приведенным в книге: Арефьев А. Л. Молодежные обмены между Россией и Германией: статистический и социологический анализ. М., 2008. С. 330–336.

как здесь решать проблемы. Обычному немецкому бизнесмену такая организация дела кажется дезорганизацией, а между тем в России без нее точно не обойтись и она может давать хорошие результаты».

В том же духе высказались окончившие российские вузы специалист в области литературоведения Дагмар Д., работающая многие годы в Москве (в ее интервью, правда, не было ссылок на водку и мат как на освоенные русские социальные практики), Дитер Д. и Клаус К., окончившие педагогический вуз в Воронеже. В частности, Дитер Д., организовавший образовательные программы с участием русских в европейских университетах, отмечал в интервью, что из воронежского опыта понял, что назначать время «по-русски» надо всегда с запасом по крайней мере на 15 минут. Это освоенное им правило при его применении в немецких условиях сняло напряженность, которая обычно возникает в программах с участием российских студентов.

Но такого рода освоенные на индивидуальном уровне социальные практики не предполагают диалога культур, они строятся на адаптации к неудобным и непонятным для иностранных участников обстоятельствам и постепенной интериоризацией фрагментов чужой организационной культуры. Но это не обязательное условие успешности совместных образовательных программ. Такие программы позволяют расширить культурный кругозор и понимание партнеров, но не ведут к утере ранее освоенных кодов организационной культуры. Вот почему в аспекте диалога организационных культур преимущественно следует преимущественно рассматривать именно такого рода проекты.

Эти проекты следует анализировать, во-первых, в контексте Болонского процесса и, во-вторых, в контексте институционализации молодежных обменов между странами — в нашем случае между Россией и Германией.

Если иметь в виду Болонский процесс, то важно учитывать, что интеграция европейской высшей школы началась по крайней мере в 1957 году, когда было подписано Римское соглашение. Затем попытки развернуть этот процесс вширь и вглубь предпринимались на конференциях министров образования стран Европы в 1971 и 1976 годов, в Маастрихтском договоре 1992 года. Далее программы в области высшей школы разрабатывались в ЕС, Совете Европы с целью на уровне законодательства придать легитимный характер интеграции европейского университетского сообщества. Повышение академической мобильности студентов и их мобильности на рынке труда, создание системы обучения в течение всей жизни и многомерные задачи по

сближению образовательных программ и систем — таковы были задачи многочисленных программ TEMPUS/TACIS. Принята в 1997 году Лиссабонская конвенция о признании квалификаций, относящихся к высшему образованию Европы, была подписана 43 странами. Это и позволило выработать обобщения, ставшие принципами Болонской декларации, подписанной 29 странами Европы в 1999 году, а затем и Сорбонской декларации, подписанной Францией, Италией, Великобританией и Германией в 2003 году и утверждавшей путь на создание открытого европейского пространства высшего образования для достижения более высокого уровня конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг. Болонская и Сорбонская декларации в основных идеях схожи (двухступенчатая структура высшего образования, использование системы кредитов и т. п. Сорбонская декларация утвердила международное признание бакалавра как уровня высшего образования с предоставлением ему права продолжать учебу по программам магистра и соблюдение положений Лиссабонского соглашения¹⁸. Это — важнейший шаг к интеграции в области высшего образования в масштабах Европы. Из него следует развитие совместных программ в сфере высшего гуманитарного образования как важного инструмента общеевропейской интеграции.

Второе обстоятельство, требующее учета как контекст процессов, изучаемых нами, — молодежные обмены, динамически развивающиеся между европейскими странами, в том числе и в двусторонних контактах России и Германии.

Российско-немецкие контакты в рамках молодежного сотрудничества интенсивно нарастают. Так, если в 2000 году в молодежных встречах и молодежных трудовых лагерях участвовало 1100 человек с обеих сторон, то в 2006 году — 3104 человека, а в 2007 году — 5228 человек, что почти в пять раз больше, чем в 2000 году. В семинарах, тренингах, стажировках и т. д. по молодежной социальной работе число участников колебалось: в 2000 году — 2457 человек, в 2002 году — 1836, 2005 году — 1326, 2006 году — 1573, в 2007 году — 2391. Такое колебание связано с особенностями структур, обеспечивающих реализацию государственной молодежной политики на федеральном уровне в России. Тем не менее можно говорить об общей

¹⁸ См. : Михаил К. Система образования стран Восточной Европы и Болонский процесс // Эковест. 2003. №5. С. 85–94; Реформы образовательных политик: деятельность Совета Европы // Стандарты и мониторинг в образовании. 2000. №6. С. 9–13.

тенденции роста числа участников молодежных обменов между Россией и Германией в 2000–2007 годах примерно в 2 раза (от 3557 до 7619 человек)¹⁹. По формам контактов также произошли количественные изменения. Так, число молодежных встреч возросло с 9 в 2000 году до 149 в 2007 году, число трудовых лагерей увеличилось с 7 до 15, обменов специалистами по молодежной и социальной работы — от 56 до 126. Незначительную роль по-прежнему играют стажировки специалистов (9 и 3) и языковые курсы для специалистов (3 и 5). Общее же число мероприятий выросло с 84 в 2000 году до 298 в 2007 году, т. е. в 3,5 раза²⁰. Следует учесть, что средняя численность участников одного мероприятия (немцев и россиян) составляла в указанные годы примерно 20 человек (наименьший показатель в 2006 году — 17,7, наибольший в 2007 году — 25,6), а средняя продолжительность одного российско-немецкого обмена немного выросла — с 10 дней в 2000 году до 11, дней в 2007 году²¹.

Что следует из приведенных данных для нашей темы? Обмены, предполагающие диалог организационных культур, пока остаются довольно редким явлением в контактах россиян и немцев, но заметен рост, который через некоторое время обозначит переход на новый уровень контактов — достаточно многочисленных, чтобы перерасти в распространенные практики. Они пока остаются немассовыми, но по своим среднестатистическим характеристикам позволяют обеспечивать непосредственное соприкосновение организационных культур. Обмены слишком недлительны, чтобы повлиять на культурные коды, но уже позволяют вести речь о применимости принципа диалога культур — и прежде всего культур организационных.

Вузовское сотрудничество встраивается в этот контекст молодежных обменов. В 2007 году в этом сотрудничестве участвовали 15 российских и 5 немецких высших учебных заведений и НИИ, что составляло от числа партнерских организаций и учреждений, соответственно, 10,3 и 4,1%, т. е. небольшую часть. В целом образовательные учреждения и центры составляли в 2007 году 34,1% российских организаций — партнеров и участников Программы международных молодежных обменов с Германией, в структуре немецких организаций такого рода учреждения и центры составляли

¹⁹ Рассчитано по статистическим данным, приведенным в указанной книге А. Л. Арефьева (с. 45–46).

²⁰ Рассчитано по тому же источнику (с. 47).

²¹ Там же. С. 49.

11,5%²². А. Л. Арефьев, приводя эти данные, подчеркивает, что «с российской стороны в двусторонних обменах участвует больше государственно-административных структур, а также образовательных учреждений, в то время как с германской стороны — больше государственных объединений, фондов, движений, особенно общесоциального и добровольческого характера, а также профессиональных союзов и религиозных организаций»²³. Участники совместной образовательной деятельности на основе анализа отчетов по Программе международных молодежных обменов с Германией характеризуются следующим образом.

С российской стороны наиболее крупную группу организаций-участников обменов учебного профиля представляют вузы, преимущественно московские и Санкт-Петербургские: столичный Институт международных социально-гуманитарных связей (лидирующий по числу обменов с Германией — примерно по 10 в год), Московский гуманитарный университет, Московская финансово-промышленная академия, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Российская академия театрального искусства — ГИТИС, Российский государственный педагогический университет имени А. Н. Герцена, Петербургский социально-экономический институт, Северо-Западная академия государственной службы (г. Санкт-Петербург), Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, а также 5 региональных вузов: Башкирский, Новосибирский и Ростовский государственные университеты, Омский и Тульский государственные педагогические университеты и политехнический институт из г. Вологды. С немецкой стороны партнерских организаций образовательного профиля значительно меньше. В числе наиболее активных участников обменов 2007 года были Институт социально-педагогических исследований из г. Майнца (9 обменов), Федеральное объединение «Работа и жизнь» (занимается образованием молодежи и взрослых по всей Германии через земельные и районные отделения совместно с профсоюзами и народными университетами, участвовало в 8 обменах), Европейская академия из г. Берлина (7 обменов), Католический институт из г. Майнца (4 обмена). Другими образовательными учреждениями-партнерами являлись Институт продуктивной работы из г. Берлина, Академия по политическим и социальным связям «Дом на Май-берге»

²² Данные приведены в том же источнике (с. 51, 53, 54).

²³ Арефьев А. Л. Указ. соч. С. 54.

из г. Хеппенхайм, земля Гессен, музыкальная школа г. Штанхайм-на-Альбухе, школа Христиана Рауха из г. Бад Арользер, Образовательный центр г. Заарфельд, Социально-педагогический центр повышения квалификации «Ягдшлоссе Глинеке» из г. Берлина, Межпроизводственное объединение профессиональной подготовки из г. Йены и Международный центр повышения квалификации и развития из г. Гамбурга²⁴.

В самое последнее время начали развиваться совместные программы вузов России и Германии в области подготовки магистров. Важную информацию по этому вопросу содержат материалы созданного в 2009 году сайта germany-russia.edu.ru. На нем, в частности, размещены сведения о совместных программах, осуществляемых Новгородским государственным университетом им. Ярослава Мудрого с университетами Германии (международная образовательная программа по педагогике «Двойной диплом»), Московским государственным строительным университетом (МГСУ) совместно с Техническим университетом Берлина (Technische Universität Berlin) по программе «Информационно-строительный инжиниринг», Поволжской академией государственной службы им. П. А. Столыпина с Hochschule fuer oeffentliche Verwaltung und Finanzen, Ludwigsburg по программам стажировок преподавателей и аспирантов, совместным научным проектам, студенческим обменам, научным обменам и др.²⁵ Состав докладов на Международной конференции «Развитие магистерских программ психолого-педагогического направления: опыт и перспективы», проведенной в 2009 году с целью обсуждения хода реализации проекта Tempus TACIS, JER_26070_2005 «Многоуровневая подготовка в области образовательного менеджмента», показывает характер устанавливающихся в этой области отношений, направленных на создание эффективной и современной системы подготовки руководящих кадров в образовании и менеджеров по обучению персонала в различных организациях: «Дидактические цели магистерских программ» (проф. Людвиг Хубер, почетный доктор НовГУ, эксперт Проекта Tempus TACIS, JER_26070_2005, Университет г. Билефельд, Германия); «Метод «Обучение через исследование» и его значение для магистерских программ» (проф. Иоганнес Вильдт, почетный доктор НовГУ, директор Центра дидактики высшей школы Университета г. Дортмунд, Германия); «Методологические основы

²⁴ Данные приведены в кн. : Арефьев А. Л. Указ. соч. С. 56–57.

²⁵ www.germany-russia.edu.ru

профессиональной подготовки образовательных менеджеров» (проф., д-р Роза Шерайзина, зав. кафедрой профессионального педагогического образования и социального управления); «Особенности организации индивидуально-ориентированного образовательного процесса в магистратуре» (проф. Светлана Горычева, зав. кафедрой педагогики и проф. Марина Калашникова, зав. кафедрой психологии); «Особенности магистерской программы «Карьерное консультирование» в университете Лиепая» (Ильзе Микельсоне, вице-президент Международной Академии гуманизации образования, декан факультета образования Университета г. Лиепая, Латвия) и др. Можно заметить, что в тематике докладов имеются подходы, позволяющие шире применять в магистерских программах принцип диалога организационных культур.

Интересен в этом отношении проведенный в рамках конференции Круглый стол «Магистратура глазами студентов». Как сообщается в резюме, в ходе «круглого стола» студенты-магистранты, обучающиеся по направлениям «Педагогическая психология» и «Образовательный менеджмент» провели рефлексию и критический анализ процесса обучения в магистратуре и высказали свои пожелания по дальнейшему его совершенствованию. Студенты отметили большие возможности для самостоятельной работы в магистратуре, высокий уровень компетенций преподавателей, благоприятный психологический климат в учебной группе, партнерские отношения, сложившиеся с преподавателями, возможность проявить творчество в процессе подготовки к занятиям. Разговор проходил открыто, были высказаны и критические замечания, в частности, по организации практик и составлению расписания занятий²⁶. Проблемы, таким образом, опять-таки оказались в русле организационных моментов, а не содержания осуществляемых программ.

Все это еще раз подтверждает, что осмысление практических действий, направленных на применение диалога организационных культур в совместных образовательных программах, должно учитывать общие для таких программ культурные контексты и перспективы развития двусторонних контактов в сфере высшего гуманитарного образования.

Круг проблем, связанных с диалогом организационных культур в совместных образовательных российско-немецких программах и проектах. Международные образовательные проекты имеют немало сложностей в их разработке, принятии к исполнению и

²⁶ www.germany-russia.edu.ru

осуществлении. С учетом сказанного выше здесь имеется и двойная сложность применения принципа диалога организационных культур. В чем видится эта двойная сложность? Диалог организационных культур в этого рода проектах будет по необходимости строиться на двух основаниях: первое — устоявшиеся представления о том, как надо организовывать дело и как учитывать особенности организационной культуры другой стороны; второе — образовательные задачи по закреплению в новом поколении «своих» (студентов) таких устоявшихся представлений.

С этой точки зрения могут быть осмыслены мотивы участников молодежных обменов между Россией и Германией, определяющие их включение в совместные проекты, а также и проблемы, которые возникают в ходе их реализации. С. Тетерский и В. Харченко на основе экспертных опросов показали плюсы и минусы осуществленных совместных программ, какими они видятся их немецким участникам. Немецкую молодежь, согласно этим данным, привлекает в Россию: а) возможность поехать на родину (для русских немцев); б) экзотика, возможность увидеть то, о чем рассказывали побывавшие в России немцы; в) потребность в новых впечатлениях, ощущениях, приключениях, интерес к другим городам и землям, возможность сделать свое фото/видео на фоне Кремля или снежных гор; г) общие интересы с российскими молодыми людьми (в области спорта, музыки, театра и т. д.); д) российская природа, различные климатические зоны; е) открытость и гостеприимство русских людей²⁷.

В исследовании также выделены факторы, препятствующие участию немецкой молодежи в обменах с Россией. Среди них отмечены: а) слишком плотные, чрезмерно насыщенные программы, предлагаемые российскими партнерами, в которых практически нет свободного времени и не остается возможности задать все вопросы и пообщаться с российскими гражданами во время различных посещений, «все бегом»; б) плохое размещение и питание, особенно в регионах; заранее не извещается, где и как будет жить немецкая сторона, не учитываются пожелания по питанию; в) немецкие участники часто оказываются «брошенными» российскими партнерами или участвуют в каких-то пунктах программы без российских представителей, а российские участники то приезжают, то уезжают домой; в) немецкие участники турецкого происхождения опасаются неприязненного отношения и дискриминации по религиозному и расовому признаку, проявлений

²⁷ Тетерский С., Харченко В. Россия и Германия в Европе. URL: <http://www.dimsi.net>

национализма и расизма; г) немецкие участники и особенно их родители опасаются криминальной обстановки в России; д) негативное представление о России в германских СМИ, распространенные отрицательные стереотипы и необъективная информация; е) культурная и языковая компетенция многих руководителей групп немецкой молодежи низкая, они совершенно не знают русского языка и не умеют читать кириллицу; е) в составе групп немецких участников оказывается слишком большая доля бывших граждан СССР или стран СНГ, поэтому коренные немцы ощущают себя в меньшинстве; ж) подготовка многих совместных проектов неудовлетворительна: присылаемые программы часто неконкретны, нет подробного описания запланированных мероприятий, не вполне ясен конечный результат, все присылается очень поздно; з) опыт немецких участников двусторонних программ обменов свидетельствует, что поездки в Россию обходятся дороже, чем в другие страны (особенно, если российский партнер находится за Уралом, в Сибири или на Дальнем Востоке); и) продолжительность программ (период пребывания в России немецких участников) слишком короткая, чтобы немецкая молодежь смогла адаптироваться в России и преодолеть имеющиеся культурно-лингвистические и иные барьеры²⁸.

Посмотрим, насколько в оценках, даваемых студентами, фигурируют обстоятельства диалога организационных культур. В мотивациях к обменов фактически только пункт «открытость и гостеприимство русских людей» косвенно выходит на проблематику диалога организационных культур, но связь эта устанавливается скорее аналитически (в ходе исследования), чем на уровне обыденных представлений участников обменов. Иными словами, практически ничто в мотивациях к участию в международных обменах не акцентирует ожиданий молодежи в ракурсе организационной культуры.

Напротив, среди факторов, препятствующих участию немецкой молодежи в обменах с Россией, те, что связаны с организационной культурой, вполне заметны. Здесь и «слишком плотные» программы, и плохое размещение и питание, и «брошенность» приехавших немцев организаторами программ на произвол судьбы, и неконкретность совместных проектов. Анализ показывает, что такого рода проблемы оказываются характерными для образовательных программ, осуществляемых совместно российскими и немецкими вузами, и поскольку большинство из них краткосрочны, то культурный шок, испытываемый представителями другой страны, не успевает перерасти в

²⁸ Там же. Приводится также в кн. : Арефьев А. Л. Указ. соч. С. 125–127.

адаптацию к непривычным условиям. А значит стадии понимания и умения применительно к действиям в рамках таких программ не наступают. Участники нередко сохраняют в памяти состояние эйфории от многообразия новых впечатлений, с одной стороны, и растерянности и испуга, которые испытали в необычной для себя ситуации соприкосновения разных организационных культур, с другой. При этом шок вызывает преимущественно несовпадение организационных культур, а не культур в общефилософском и общесоциальном смысле: в культурной экзотике участники совместных программ как раз видят важный мотив приезда в другую страну.

Но если программа в сфере образования не характеризуется краткосрочностью, реализуется не за среднестатистические 10 дней, а на протяжении двух лет, меняется ли что-то в ее отношениях с диалогом организационных культур? По сути только магистерские программы, осуществляемые российскими и немецкими вузами, дают ответ на этот вопрос. Из этих программ (а их пока очень мало, опыт в этой области сотрудничества только складывается) наиболее показательной представляется программа, осуществляемая Московским гуманитарным университетом и Высшей школой имени Алисии Соломон (Берлин) в 2007–2009 годах.

Ее конструкция (на уровне замысла, который в той или иной степени реализован на практике) состоит в том, что подготовка в области конфликтного менеджмента (а это одна из ведущих проблем в области социальной работы) может строиться как магистерская программа, в которой:

1. Имеется образовательный компонент, состоящий из учебных курсов, характерных для соответствующих магистерских программ. В этом пункте оригинальность данной программы составляет российско-немецкий профессорско-преподавательский состав, включающий крупных ученых (член-корреспондент РАН Б. Г. Юдин, видный исследователь социальных проблем профессор Юрген Новак, академики Международной академии наук А. И. Ковалева, Вал. А. Луков и др.). Соответственно, и курсы, включаемые в программу, отражают как общепринятый для данной специализации состав дидактических единиц, так и оригинальные концепты, не включаемые обычно в образовательные программы (например, вопросы биоэтики).

2. Программа построена так, что ее участники — студенты из России и Германии соединяются в единый учебный коллектив, который одновременно становится на время осуществления программы и своего

рода коммунальной структурой: студенты проживают вместе в общежитии, селятся в одной комнате русский и немец и т. д.

3. Программа осуществляется попеременно на территории России, затем Германии, затем в режиме заочного диалога в России и Германии в период завершения дипломных работ. При этом длительность пребывания участников программы на территории другой страны достаточно велика (не менее полугода).

4. Преподавание ведется и в России, и в Германии на русском и немецком языке: преподаватель из Германии читает лекции и ведет семинарские занятия на немецком языке, из России — на русском).

5. Поскольку содержание программы соответствует специальности «социальная работа», в период пребывания группы в той или другой страны она имеет возможность (в полном составе — и русские и немцы) ознакомиться с практикой работы социальных служб разного назначения (работа с детьми улиц, инвалидами, престарелыми, мигрантами и т. д.).

6. По итогам обучения магистранты защищают работы на своем родном языке, но при этом готовят аннотации на языке партнерской организации и в ходе защиты (с участием представителей другой страны) взаимодействуют с аттестационной комиссией на русском и немецком языках как равнозначных в данной ситуации.

Такова общая конструкция. Она в самой своей основе построена с учетом особенностей диалога организационных культур. Именно эта сторона составила, как свидетельствуют интервью с организаторами программы, наибольшие сложности на начальной стадии формирования совместной образовательной программы. Были достигнуты договоренности на уровне руководства МосГУ и ВШ имени А. Соломон по каждому из обозначенных пунктов, но еще необходимо было встроить оригинальную по замыслу программу в имеющиеся стандарты как образовательные, так и формально-бюрократические (приравнивание дипломов, визы, оплата а обучение и т. п.).

На уровне преподавателей работа по выравниванию подходов в области организационной культуры не велась как особая деятельность, поскольку предполагалось, что преподаватель и несет в себе черты организационной культуры данной страны и этим дает возможность увидеть ее специфику по ходу решения другой (образовательной) задачи.

Следует отметить, что это обстоятельство по-разному было воспринято студентами — участниками программы. Отдельные преподаватели в силу слишком большого контраста в плане ранее

освоенной студентами организационной культуры вызывали неприятие и даже провоцировали конфликт в студенческой группе. Тем не менее такого рода события не следует считать провалом программы или ее части, если предусмотрены механизмы, во-первых, быстрого получения информации о назревшем конфликте, во-вторых, внесения коррективы в образовательную программу или преподавательский состав, чтобы преодолеть конфликт. В данном случае такие инструменты были, поскольку совместный быт студентов во внеучебное время позволял сразу выявлять недовольства иностранных студентов, а готовность руководства быстро реагировать на такие недовольства коррективами в программе позволяла удерживать конфликт в русле диалога организационных культур, гасить его и переводить в позитивный результат программы в целом.

Эти обстоятельства зафиксированы включенным наблюдением.

В Германии также возникали ситуации, в которых проявлялись черты немецкой организационной культуры, вызывавшие удивление или неприятие российских студентов. Некоторые из таких эпизодов представим ниже.

Ситуация 1. Преподаватель, приехавший в Берлин, по просьбе немецких студентов в рамках совместной русско-немецкой магистратуры, читает одну из лекций на английском языке. На этой лекции присутствуют только студенты из России. Ни один из участников совместного проекта — немцев на лекцию не пришел (на всех других лекциях немцы были).

Комментарий. По результатам разговора с немецкими участниками стало ясно, что решающим фактором в данной ситуации было то, что лекция читается на английском языке. Немецкие студенты посчитали нерациональным тратить свое время зря, так как они уже слушали выступление этого преподавателя на русском, а английский они не знают. То, что преподаватель имел особое значение для них и именно по их коллективному желанию его пригласили в немецкий вуз читать лекции, значения в данном случае не имело. Русские участники проекта тоже не знали английского языка, но пришли из солидарности.

Ситуация 2. Студенты получают задание на следующее семинарское занятие подготовить доклады по определенной теме. Немецкий преподаватель для этих целей дает им свою книгу, из которой необходимо выбрать подходящую главу. Подготовка к такому семинару состоит из простого пересказа студентом выбранной главы в аудитории.

Часто текст учебника ксерокопируется и нужные места для чтения в нем выделяются маркером.

Комментарий. В российской высшей школе поручение студенту подготовить доклад строится по другой схеме: студенту называется тема и дается список литературы, его задача написать оригинальный доклад на базе нескольких источников. Поощряется оригинальность доклада. Российские студенты критически воспринимают немецкую практику докладов на семинаре: «Это домашнее чтение, как будто мы не можем свой доклад написать».

Ситуация 3. Немецкий профессор собирает у себя дома своих студентов и аспирантов на утренний завтрак (в том числе всех студентов данной магистерской программы). Встреча проходит в теплой домашней обстановке и не затрагивает вопросов образовательной программы.

Комментарий. Такая форма работы противоречит ожиданиям российских студентов, которые слышаны о немецкой скарденности и дистанции между преподавателями и обучающимися. Открытость профессора в этом случае кажется каким-то нарушением заведенного порядка. Между тем, профессор не только оказывает гостеприимство иностранным студентам, но фактически решает важные с точки зрения образовательной программы задачи, а именно вводит студентов в сферу немецкого семейного быта, характерного для среднего класса, и показывает пути снижения конфликтного состояния мигрантов в новых для них условиях.

В силу того, что срок подготовки в Германии был достаточен, чтобы войти в повседневную жизнь вуза и города с их привычными заботами и радостями, жизненной рутинной, многие детали организационной культуры немцев стали российскими студентами не только отмечаться, но и осмысливаться, обсуждаться, что зафиксировано в дневниковых записях и в интервью с участниками магистерской программы.

Так, российские студенты сначала включились в соответствующие практики, а затем осмыслили применяемую в вузах Германии *систему информационной поддержки обучающихся*. Студент в этой системе поставлен в центр многообразных обслуживающих действий вуза, что закреплено присвоением ему в момент зачисления на первый курс именного цифрового кода. Этот цифровой код обеспечивает ему: а) допуск в вуз (заменяющий пропуск), 2) получение книг в библиотеке (по электронному каталогу студент находит данные о книге, сам находит ее на полке и при выходе из библиотеки по штрих-коду книги она

заносится на его именной код), 3) получение кинокамеры, фотоаппарата, спортивного инвентаря и другого учебного или бытового оборудования, приобретаемого университетом для развития различных способностей студентов, 4) пользование информацией об учебном процессе и другой специализированной информацией в информационных сетях (у входа в вуз обычно установлены компьютеры, и студент, пользуясь именованием кодом, может уточнить, где будет проходить лекция или семинар, не отвлекая никого и не заглядывая в двери аудиторий), 5) получение письменных заданий, фиксация результатов тестирования и т. д. (вся документация, касающаяся образовательной программы студента, ведется на основе его идентификации по именованному коду). Система информационной поддержки позволяет минимизировать неясность студента по поводу того, как поступать в той или иной ситуации, связанной с учебным процессом, какие и где проходят важные для него мероприятия, он может широко пользоваться заказом нужной информации, сосредоточившись на содержании того или иного предмета. Фактически наблюдается эффект «одного окна», когда значительная часть технологии информационной поддержки студента ему не видна, он в компьютеризированном вузе при помощи именованного кода быстро удовлетворяет потребности в необходимой для учебы информации.

На фоне этих позитивных наблюдений имели место и наблюдения за специфическими чертами подготовки специалистов в вузах Германии. В данном образовательном проекте проявились те же черты, которые отмечаются россиянами и в других образовательных проектах. Так, в одном из опубликованных студенческих интервью звучит такая оценка: «Работать с немцами очень интересно, вам сразу бросится в глаза узкая специализация каждого сотрудника, будь то профессор, или производственник. Причем специализация настолько узка, что вас постоянно будут отсылать к другим сотрудникам за консультациями»²⁹. Нечто подобное неоднократно фиксировалось в период проведения программы на территории Германии. Напротив, немецкие участники проекта, будучи в Москве, отмечали, что встречавшиеся им специалисты мыслили очень широко, но нередко неконкретно. Задавая вопросы о социальных проектах в Германии, российские социальные работники

²⁹ Стажировка в Германии [Электронный ресурс] // Новосибирский государственный университет экономики и управления. URL: http://old.nsaem.ru/Structure/International_business_school/Educational_programs/Internships/About_programs/Germany/

больше всего интересовались размахом проектов и не слишком вдохновлялись обычными для муниципального уровня проектами, в которых решались очень простые задачи для небольшого числа участников.

В немецкой части образовательного проекта также стали очевидны прагматические задачи, которые для немецкой стороны позволяли выйти на надежные источники финансирования. Дело в том, что Германия буквально наводнена русскими (и другими русскоговорящими — в основном из бывших республик СССР), приехавшими сюда надолго или навсегда. Это нередко специалисты-компьютерщики, инженеры, творческие работники (например, литераторы, актеры). Нередко их переезд в Германию связан с заключением брака с гражданином этой страны. Первоначальная эйфория сменяется ностальгией по Родине, депрессивными состояниями, агрессией, и необходимы специалисты в области социальной работы, способные снижать роль этих неблагоприятных факторов. Отсюда и внимание к проблематике конфликтного менеджмента в данной образовательной программе. В этом смысле она оказывается очень актуальной.

Нельзя не видеть, что совместные образовательные программы становятся важным компонентом развивающейся в мире трансмиграции высококвалифицированного персонала. Этот процесс рассматривается аналитиками как вызов кадрового менеджмента³⁰. Развивается мировая конкуренция за специалистов и управленцев. В этих условиях культурный фактор особо важен. Как показывает А. Зигерт на материалах эмпирического исследования миграционного поведения российских специалистов, перемена культурного контекста влияет на личность человека и его самоидентификацию³¹. Значение для специалистов-мигрантов самоидентификации как «когнитивного путеводителя в социальном пространстве» раскрывают в своем исследовании немецкие исследователи из Франкфурта-на-Майне, подчеркивающие, что через этот механизм человек «ощущает свою принадлежность к окружающему его обществу». В частности, они выявляют типичную ситуацию самоидентификации русских специалистов, работающих в Германии, которые демонстрируют

³⁰ См. : Зигерт А. Трансмиграция высококвалифицированного персонала — вызов кадрового менеджмента. Размышления на примере российских специалистов и руководителей // Знание. Понимание. Умение. 2009. №1. С. 201–205.

³¹ Siegert A. Motive hochqualifizierter russischer Transmigranten, nach Deutschland zu emigrieren. Eine empirische Untersuchung unter russischen Akademikern. Hannover, 2008. S. 187.

идентичность не с «русскими», а с «интернациональным научным сообществом»³².

Но с этим фактором еще не научились справляться в Европе, в частности в Германии. Он нуждается не только в разработке технологических схем социальной работы, но и в теоретическом осмыслении новых черт миграционного поведения, во многом не похожего на то, которое описывали классики социологии У. Томас и Ф. Знанецкий в знаменитой работе «Польский крестьянин в Европе и Америке». В новой ситуации диалог организационных культур становится особо значимым.

Именно потому мы, опираясь на эмпирическое исследование, осуществленное в рамках магистерской программы Московского гуманитарного университета и Высшей школы имени Алисии Соломон, можем считать, что заложенный в ее основание диалог организационных культур показал свою действенность. Сравнивая итоги реализации этой программы с итогами типичных обменных программ российских и немецких вузов, мы имеем основание утверждать, что применение принципов и технологий диалога организационных культур в проектировании и осуществлении международных (совместных) образовательных программ обеспечивает условия для такого освоения обучающимися учебного материала, которое позволяет им, кроме полученного знания, применять в реальном диалоге культур более высокий уровень понимания и умений, чем в программах, не являющихся совместными. Этот путь следует рассматривать как модельный при проектировании совместных образовательных программ в гуманитарной сфере.

³² Sachmann/Schultz/Prümm/Peters. Kollektive Identitäten. Frankfurt a. M., 2005. S. 206.

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ И НЕЧАЯННЫЕ ПАРАДОКСЫ В ЕСТЕСТВОЗНАНИИ

Б. К. Новосадов

*(Институт геохимии и аналитической химии
им. В. И. Вернадского РАН)*

Scientific Thought and Unintentional Paradoxes in Natural Sciences

B. K. Novosadov

*(V. I. Vernadsky Institute of Geochemistry
and Analytical Chemistry of the Russian Academy of Sciences)*

Автор рассматривает историю образования научных направлений и школ в естествознании и связанные с ними особенности научного познания природы. Гуманитарная природа процесса познания определяет в нем сочетание объективного и субъективного моментов на протяжении прошедших 500 лет развития европейской цивилизации.

Ключевые слова: естественные науки, культура познания, научные школы, прогресс знания.

The author considers the history of creating of scientific directions and schools in natural sciences and features of scientific cognition of nature connected with their activities. Human nature of the cognition process defines a combination of objective and subjective moments in it during the past 500 years of European civilization development.

Keywords: natural sciences, culture of cognition, scientific schools, knowledge progress.

В XXI веке поучительно оглянуться на 500 лет истории научного познания природы, сопоставляя объективное и субъективное в процессе научного творчества ученых, выявляя общие закономерности процесса. «Равнодушная природа» продолжает при этом «красою вечною сиять» по точному и эмоциональному выражению А. С. Пушкина, невзирая на «страсти роковые» и на то, что «от судеб защиты нет». На всем протяжении наблюдений проявляется гуманитарная сущность знания, наука делается людьми и для людей, и все человеческое ей (науке) не чуждо. Объективная реальность отнюдь не отрицает субъективного и вымышленного представления о ней с продолжающейся из века в век борьбой за вымышленное и вымученное амбициозными

представителями научного мира, ибо естественнонаучная истина сама по себе внедряется в жизнь в силу очевидной практической пользы. Итак, поговорим о научных направлениях и школах, которые формировались и исчерпывали себя на протяжении прошедшего полутора тысячелетия естественных наук от момента зарождения экспериментальных наук до наших дней XXI века, когда наука стала мощной просветительной, созидательной, производительной и объединительной силой на Земле. Давно в прошлое ушли ехидно-клерикальные отношения к затворникам лабораторий, а престиж Нобелевских премий вызвал к соревнованию стремящихся первыми постичь научную истину. Авторитет науки стал непререкаем и очевиден частному и общественному здравому сознанию, ибо теперь невозможно отказаться от достижений электротехники, электроники и ядерной энергетики, от новых веществ и материалов, полученных в химии и т.д., от всего, что оснащает, питает и одевает, улучшает качество жизни людей.

Рост во времени по закону экспоненты научного знания, свидетелями которого мы являемся, невозможен без работы научных коллективов. Профессиональная специализация ученых, соответствующая разделению труда в научной сфере, позволила превратить науку в производственную силу. Неизбежная и необходимая в науке конкуренция вызывает соревнование отдельных личностей и групп исследователей, побуждая рассматривать природу под различными углами зрения, облекая видимое теоретическими концепциями, которые либо выстраиваются в связанную согласованную цепь, либо неприязненно противостоят одна другой. Закономерная в теории познания неполнота знания и свойство самоуверенности отдельных ученых, как это замечено в истории науки, приводит к застойным явлениям в науке, что отражается в застывании концепций в объяснении явлений природы (да и в общественных движениях). Концепции владеют умами ученых, которые объединяются в группы и научные школы, отстаивающие завоеванное понимание тех или иных явлений. Прогрессивность коллективного научного творчества, вызванная экономическими причинами в области экспериментальных наук, как и любое явление жизни, ограничена временными рамками и по прошествии активно-положительного творчества при выработке концептуального ресурса преобразуется в схоластику бытия. Образуется научный клан, диктующий свои понятия и не пускающий отдельно сформулированную конструктивную критическую мысль на свою

концептуальную поляну. Застывание мысли опасно не само по себе, а потому, что оно занимает иногда длительный промежуток времени развития науки, отнимая у цивилизации благоприятные условия развития. Мысль — это не физическое твердое тело, а жидкость или газ, которая все равно распространится сквозь поры сознания, в том числе и общественного, и неявно, а затем и явно приведет к прогрессу в понимании естественнонаучных истин. Рождение, старение, умирание — также очевидно свойственны концептуальным понятиям. Парадокс заключается в удерживании устоявшихся взглядов деятелями науки, происходящем нечаянно в силу продвижения в тупиковом направлении.

Наши несколько абстрактные рассуждения могут быть подтверждены примерами из истории естественных наук.

Психология познания непременно ставит барьеры, преодолевая которые ученые пополняют свои представления о природе. Новейшая история преподносит нам курьез искусственных барьеров в процессе научного поиска. Общеизвестны случаи «организованного» Советским государством застоя в «самой передовой» (по выражениям газеты «Правда») науке в мире, в таких областях, как биология (генетика, теория севооборота), в математике и экономической науке (теория кибернетики); представителями «официальной» науки осуждался вейсманизм-морганизм в теории народонаселения. Даже в области органической химии официальная научная корпорация и академическая наука клеймила позором буржуазную теорию резонанса, выдвинутую выдающимся физико-химиком Лайнусом Полингом (дважды лауреатом Нобелевской премии!). Почему-то плодотворная в свое время концепция резонансных структур молекул в химии (приводящая в то конкретное время 30-х годов 20 в. к возможности математическим путем понять устройство химических частиц) вызвала политический скандал и процесс в АН СССР и заставила крупных ученых в области теории химического строения, таких как акад. Я. К. Сыркин, член-корр. АН СССР М. В. Волькенштейн, публично приносить покаяние научному сообществу в приверженности буржуазным научным идеям в 1951 г. Заметим, что своих «социалистических» идей в этой области науки так и не появилось и эта область науки (квантовая химия) так и осталась буржуазной по концепциям и достижениям, которые впоследствии также были отмечены как выдающиеся Нобелевским комитетом. Говоря об ученых словами Герцена, «таким ленивым пониманием они сами уронили свою теорию» (Герцен, 1948: 107). Это все курьезы политической системы СССР. Аналогичные процессы происходили в

XX в. в довоенной Германии. Здесь целое общество по приказам властей предрешающих поляризовало свои интересы и не имело юридического права мыслить не иначе как в догмах тех диктаторских времен. Такая «корпоративность» не свойственна истории науки в целом. Это некий эксцесс, неврастенический синдром развития цивилизации в новейшее время, отдающий самодурством европейских феодалов и диких бар в крепостнической России. Здесь хотелось бы обсудить невольное, нечаянное пристрастие к тем или иным научным концепциям, от которых отказ (всегда) проходит весьма болезненно для адептов.

Одной из долгоживущих концепций в физико-химии служила теория флогистона-теплорода как некоторой невесомой субстанции, входящей и выходящей при нагревании и охлаждении тел. Этой теории придерживались в европейской науке 70 лет в течение XVIII в. и мало кто сомневался в физическом существовании этой теплородной субстанции, пока верх не одержала молекулярно-кинетическая теория вещества, которую ныне безоговорочно принимает научный мир. Недоверие к последней еще упорно держалось на протяжении последующих 30 лет. Атавизм недоверия исчез только в 1908 г., когда В. Оствальд (ярый противник молекулярно-кинетических представлений о веществе) не изменил публично своего мнения после впечатляющего и безупречного теоретического объяснения хаотического движения микрочастичек вещества в жидкости (броуновского движения) А. Эйнштейном и М. Смолуховским в рамках молекулярно-кинетической парадигмы.

Всего столетие нас отделяет от невообразимой путаницы в умах ученых по фундаментальным вопросам строения вещества и сейчас курьезно оглядываться на деятельность научных сообществ того времени. Школы Оствальда-Маха и Больцмана-Гиббса противоборствовали с необыкновенным упрямством и упорством. Так, в 90-х годах XIX в. развернулась полемика вокруг статистического толкования второго начала термодинамики (закон о направленности тепловых процессов). Противостояли мнения с одной стороны Л. Больцмана, одного из создателей статистической механики, и Маха и Оствальда — с другой. В 1895 г. Оствальд выступил на одном из конгрессов с речью, в которой резко напал на атомистику. Эта речь была напечатана под названием «Разрушение научного материализма» и получила широкое распространение, сыграв определенную организующую роль, способствуя отказу от исследований в области молекулярных теорий. Ныне забавно читать, как об этой речи резко

отозвался выдающийся американский физик Р. Милликен (в школьном учебнике физики рассказывается про знаменитый опыт Милликена по определению величины элементарного электрического заряда), который, указав на успехи кинетической теории во второй половине XIX в., писал, что после появления трудов Оствальда наступила реакция и что «предводимое таким бараном, все стадо овец начало обратно прыгать через забор и результаты этого попятного движения все еще чувствуются в Соединенных Штатах» (Милликен, 1923: 148).

Другой пример противостояния научных школ дает теория химического строения вещества, которая разделила в XIX в. ученых на партии: одни считали, что у химических частиц нет структуры, а другие пользовались в своих рассуждениях представлениями о расположении атомов в молекулах. Именно понимание структуры революционизировало всю химическую науку и подготовило почву для квантовой теории вещества, которая оформилась в 20-е годы XX в. Как видим, сроки преодоления заблуждений насчитывают десятки лет. Но полагать, что наше время научилось быстро преодолевать заблуждения в науке, было бы вступить в противоречие с фактами научной жизни. Лабиринт знания не разгадан.

Так, освоение термоядерной энергии не обошлось без курьеза. Значительный срок с 40-х годов по 70-е годы прошлого века огромные средства нашего государства тратились на испытания и создание так называемых магнитных бутылок и стеллараторов для удержания горячей плазмы магнитным полем, в среде которой предполагалось вести термоядерный синтез с огромным выигрышем в энергии. Хотя квалифицированное научное сообщество довольно быстро осознало теоретическую несостоятельность удержания горячей плазмы в магнитной бутылке, настойчивое корпоративное мнение ряда научных групп, предводительствуемых академиком Л. А. Арцимовичем и финансируемых правительством СССР, не внимало конструктивному скепсису со стороны.

Таким образом, сплавление коммерческих и научно-производственных интересов научных школ — это черта нашего времени. Борьба за гранты и субсидии от государства и частных банков стала одной из неперенных особенностей научной жизни, в результате которой (этой особенностью) фундаментальная наука отходит на второй план в угоду расточительным прикладным исследованиям мелкого наполнения. Хотя другая традиция консолидации научных и инженерных усилий и широкий конгресс мнений способствует

стремительному прогрессу в естественных науках. Примером такого успеха является запуск церновского коллайдера в последние несколько лет.

Корпоративность мнений почти во все времена являлась причиной застоя в фундаментальной науке. Весьма типичен пример, связанный с работой англичанина Ватерстона, который в 1845 г. представил в редакцию «Трудов Королевского общества» для опубликования статью, носящую название «О физической среде, состоящей из свободных и вполне упругих молекул, находящихся в движении» (Waterston, 1892; см.: Спасский, 1964: 43). Ватерстону было отказано в опубликовании этой статьи, и она увидела свет гораздо позже, в 1892 г., после того как Рэлей нашел ее в архиве и опубликовал. Этот эпизод науки перекликается с событиями времен «теплорода», поскольку главный довод рецензентов, не допустивших статью к печати, основывался на общепризнанном убеждении, что теплота есть «невесомая материя» и еще сильны были традиции ньютонианской физики, запрещающей «измышление гипотез».

Подводя итог нашему очерку об организации процесса познания природы в нашей цивилизации, мы можем констатировать, что и прогресс и мракобесие в науке меняют формы. От инквизиции средних веков, осудившей научную деятельность Дж. Бруно, Коперника, Г. Галилея, вызвавших шок и негодование в среде католической церкви своими астрономическими открытиями и теориями, и лихолетья 30-х годов XX в., разметавшего в значительной мере фундаментальную науку и научные школы в Германии и в СССР, предавшего казни светлые головы ряда крупных ученых, до своеобразной корпоративной инквизиции редакций научных журналов, печатающих лишь «своих» послушных авторов — эти зигзаги развития в своей основе объясняются взаимоотношением людей. В то же время соборное взаимопонимание и желание понять чужую мысль с целью всеохватно изучить явления природы, что демонстрировали в истории науки знаменитые Сольвеевские конгрессы по современным проблемам физики благословенных 20-х годов XX в., — дают надежду на поступательное развитие демократической научной цивилизации.

Список литературы

Герцен, А. И. (1948) Избр. филос. произв. М.: Госполитиздат. Т. 1.

Милликен, Р. (1923) Новое доказательство кинетической теории материи и атомистической теории электричества // Философия науки. Ч. 1: Физика. Вып. 1 / Под ред. А. К. Тимирязева. М. ; Пг.

Спасский, Б. И. (1964) История физики. Ч. II М.: Изд-во МГУ.

Waterston, J. (1892) Phil. Trans. (A), vol.183. P. 1–80.

**СУБЭТНОНИМ САМУРЗАКАНЦЫ: ИСТОРИЯ И
СОВРЕМЕННОСТЬ (ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И
ИНТЕРПРЕТАЦИЙ В КУРСАХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК)**

Л. Т. Соловьева

*(Институт этнологии и
антропологии Российской академии наук)*

**Subethnonim *Samurzakantsy*: the History and Modernity (the Problem of
Use and Interpretations in Human Sciences Courses)**

L. T. Solovieva (Institute of Ethnology

and Anthropology of the Russian Academy of Sciences)

В докладе акцентируется внимание на необходимости корректного употребления этнонимов и субэтнонимов в курсах истории, этнографии, географии и других наук. Рассматривается история возникновения субэтнонима «самурзаканцы», который служил для обозначения населения региона Самурзакано, расположенного в зоне абхазо-грузинского пограничья на территории между реками Ингур и Галидзга/Аалдзга.

Ключевые слова: этнические процессы, этнонимы, субэтнонимы, Абхазия, Грузия, Мегрелия.

The lecture covers the history and existence, ethnic group *samurzakantsy*, which served to designate the population of the historical region Samurzakano — south-eastern part of Abkhazia, located between the rivers Inguri and Galidzga. We consider the question of ethno-cultural nature of the population Samurzakano.

Keywords: ethnic processes, ethnonim, subethnonim, Abkhasia, Georgia, Samurzakano, Samegrelo.

В ходе преподавания вузовских курсов целого ряда гуманитарных наук — истории, этнографии, культурологии, географии, демографии, регионоведения — нельзя обойтись без активного использования названий и самоназваний тех или иных народов. При этом важно понимать, какое этнокультурное содержание стоит за тем или иным названием.

Этническая номенклатура каждого региона, каждого народа, как правило, богата и разнообразна, поскольку она складывается на протяжении веков, а подчас и тысячелетий, и отражает особенности этнокультурного, этнополитического, языкового развития той или иной этнической общности. Как правило, наряду с самоназваниями — т. е. эндоэтнонимами, которыми представители тех или иных этнических сообществ называют сами себя, существуют и экзоэтнонимы, — те названия, под которыми те же этнические группы известны в кругу своих ближних и дальних соседей. Чем более полиэтничным является население региона, тем большее количество этнонимов (как эндоэтнонимов, так и экзоэтнонимов) находится в активном употреблении. При этом и в среде одного народа существуют свои названия (субэтнонимы) для обозначения отдельных групп, которые отличаются теми или иными особенностями в хозяйстве, языке, религиозной принадлежности и т.д. Каждый субэтноним имеет свою сложную и порой весьма запутанную историю возникновения, и изучение этого вопроса представляет интерес и для лингвистов, и для историков, и для этнографов. В зоне этнических границ, где активно взаимодействуют несколько народов, нередко формируются группы с этнически смешанными характеристиками, и тогда встает вопрос, к какому из соседних народов эта группа относится?

Этот, казалось бы, чисто научный вопрос, к сожалению, нередко становится предметом ожесточенных политизированных дискуссий, особенно в тех регионах, где происходят этнополитические конфликты. Поэтому представляется актуальным обратить внимание на необходимость объективного подхода к решению вопроса о содержании того или иного этнонима или субэтнонима.

Для примера обратимся к Кавказскому региону, а именно к территории абхазо-грузинского пограничья. Пожалуй, возникновение немногих названий, связанных с той или иной этнической/локальной группой, может быть датировано более-менее точно. В этом плане название, которым обозначалось население юго-восточной части Абхазии, граничащей с Грузией/Мегрелией, в русском варианте —

самурзаканцы, можно считать в некотором смысле исключением. Известно время возникновения этого этнического наименования, имя феодального правителя, от которого оно произошло, и можно сказать, когда примерно этот субэтноним перестал активно употребляться. У большинства историков также не вызывает сомнений, что это именно этноним, т.е. термин, относящийся к некой этнической общности: как этноним (или субэтноним) он употреблялся в архивных документах и литературе XIX в. Но к *какой именно* этнической общности? Абхазской или грузинской (мегрельской)? В этом пункте и начинаются разногласия и даже ожесточенные споры между специалистами.

Возникновение интересующего нас этнонима связано в первую очередь с особенностями формирования административно-территориальной единицы — Самурзакано — и населяющей эту область локальной группы.

Этнические границы расселения народов, живших на этой территории, — абхазов и грузин, не оставались неизменными. Если в IX–XIII вв. граница проходила еще по р. Галидзга, то в конце XIII — начале XIV в. мегрельские феодалы отторгли от Абхазии значительную территорию.

Граница между Абхазией и Мегрелией по Кодору сохранялась до 80-х годов XVII в. Абхазские мтавары Шервашидзе, ранее признававшие верховный сюзеренитет Мегрелии, во втором десятилетии XVII в., воспользовавшись ее ослаблением, добиваются политической самостоятельности. Во второй половине XVII в. Мегрелия окончательно теряет политическую гегемонию в крае и абхазские феодалы начали систематические набеги на своих соседей.

В 1660–1680-е годы абхазские феодалы перешли уже к захвату земель, находившихся тогда под властью Мегрельского княжества. Сначала были захвачены земли от р. Кодор до р. Галидзга, а в 80-е годы XVII в. — область — от р. Галидзга до р. Ингури, в дальнейшем получившая название Самурзакано. Захватить земли по другую сторону Ингури Сореху Шервашидзе не удалось, но эту реку он сделал прочной границей между двумя княжествами. Таким образом, в 80–90-е годы XVII в. окончательно оформилась современная юго-восточная граница Абхазии.

На рубеже XVII–XVIII вв. Абхазия распалась на мелкие феодальные владения. Сыновья Зегнака Шервашидзе поделили край между собой: Ростом получил область от Бзыби до Кодора, Джикешиа — от Кодора до Галидзги, Квапу — от Галидзги до Ингура. Последняя

область стала называться Самурзакано (грузинская форма названия) или в русифицированном варианте — Самурзакань, по имени Мурзакана Шервашидзе, бывшего там владельцем в XVIII в. (Очерки, 1960: 122)

Правители Самурзакано номинально считались вассалами главного владельца, резиденция которого располагалась в селении Лыхны, но фактически далеко не всегда ему подчинялись. Для защиты своей независимости правители Самурзакано искали поддержки в соседней Мегрелии — у князей Дадиани, и последние постепенно приобрели в Самурзакано большое влияние. Однако в конце XVIII в. Келеш-бей, владелец Абхазии, заставил Дадиани отказаться от вмешательства в дела Самурзакано: в 1799 г. он захватил Зугдиди и, заключив договор с правителем Мегрелии, получил крепость Анаклия на правом берегу Ингури (Дзидзария, 1940: 8). Но и после этого Келеш-бей продолжал свои вторжения в Мегрелию. Своего сына, Махмед-бея, Келеш-бей назначил управлять Самурзакано, но тот вскоре умер, и владельцем этой области при поддержке Левана Дадиани стал его зять Манучар Шервашидзе, представитель самурзаканской ветви Шервашидзе, женатый на сестре владельца Мегрелии.

В 1803 г. Мегрелия, теснимая с одной стороны имеретинским царем Соломоном, а с другой стороны — Келеш-беем, поспешила принять российское подданство. Манучар Шервашидзе, не желавший подчиняться Келеш-бею, через родственников своей жены, князей Дадиани, начал переговоры с российским правительством. В результате этого Самурзакано было присоединено к России ранее других районов Абхазии. В июле 1805 г. в Мегрелии, в селении Бандза Манучар Шервашидзе с братом Леваном как «Абхазские князья, державцы Самурзакана», присягнули на верноподданство России. Таким образом, на пять лет раньше остальной Абхазии Самурзакано вошло в состав Российской империи. Родственные связи Манучара Шервашидзе и Дадиани имели важнейшие последствия, во многом определившие дальнейшую историю Самурзакано и особенности развития этого региона.

В 1813 г. Манучар Шервашидзе был убит. Два сына Манучара были еще несовершеннолетними. Владелец Абхазии Сефер-бей, занятый укреплением своей власти в других частях страны, вынужден был дать разрешение Дадиани, как ближайшему родственнику наследников, получать доходы с Самурзакано до совершеннолетия детей. Фактически же Дадиани стал полноправным хозяином этой богатой области.

Кавказская администрация официально признавала Самурзакано частью мегрельского владения. Несомненно, это способствовало укреплению позиций Дадияни в этом районе. Например, представитель царской администрации барон Розен писал, что для российского правительства «должно быть главной целью, чтобы в Мингрелии и подвластных ее владельцу местах, к числу коих решительно принадлежит и Самурзакань, сохранялись спокойствие и полное повиновение всех жителей владельцу» (Эсадзе, 1907: 107).

При непосредственном вмешательстве владельца Мегрелии в 1828 г. был сослан в Россию старший сын Манучара Шервашидзе — Александр (вскоре он скончался), а в 1832 г. был убит и второй его сын — Дмитрий. Самурзакано было официально присоединено к Мегрелии. Это обстоятельство вызвало недовольство как со стороны владельца Абхазии Михаила, так и местного населения. Как отмечалось в документах того времени, самурзаканцы были недовольны «устранением природных их владельцев», и потому там происходили частые беспорядки «с целью избавиться от Дадияни». По словам М. Селезнева, «самурзаканцы ... ненавидя вновь поставленную власть, били, прогоняли чиновников, присылаемых Дадияном, ... самовольно объявили войну Дадияну» (Селезнев, 1847: 135–136). Обстановка обострилась настолько, что в 1834 г. в Самурзакано пришлось ввести российские войска, но жители все же отказывались платить налоги владельцу Мегрелии, заявляя: «Мы не знаем другого владельца, кроме своей свободы, мы Абхазы, а не Мегрелы».

Самурзакано долгое время оставалось яблоком раздора между владельческими домами Мегрелии и Абхазии. Такое «неопределенное состояние» Самурзакано, происходившие там «своевольства, разбои, грабежи» не могли не беспокоить российское правительство. В результате проведенного царской администрацией обследования прав князя Дадияни на Самурзакано они не были признаны и область в 1840 г. перешла в «непосредственное русское управление» в качестве приставства; граница была проведена по реке Охурей. Такое решение вопроса не удовлетворило Михаила Шервашидзе, продолжавшего заявлять свои притязания на эту область. Даже в 1855 г. генерал Муравьев жаловался, что абхазские князья и дворяне производят набеги на Самурзакано.

В 1847 г. Самурзаканское приставство было подчинено кутаисскому военному губернатору, а в 1857 г. — с принятием Мегрелии в непосредственное русское управление — ее управляющему.

Только после 1865 г., когда было упразднено Абхазское княжество, — Самурзакано было объединено с другими районами Абхазии и они составили единую административную единицу — Сухумский военный отдел.

Но исторические судьбы населения Самурзакано и во второй половине XIX в. имели некоторые особенности по сравнению с судьбами населения остальной Абхазии. Так, Самурзакано практически не затронуло махаджирство (поскольку здесь уже к середине XIX в. преобладало христианское население), тогда как в других регионах Абхазии махаджирство радикально изменило демографическую ситуацию.

После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. только жители Самурзакано и двух общин Кодорского участка — Илорской и Поквешской — не были включены в состав «виновного» населения (как остальное население Абхазии, объявленное «виновным» якобы за пособничество туркам). Поэтому только в Самурзакано и указанных двух общинах крестьяне являлись собственниками своих земель и несли обязательную воинскую повинность, тогда как остальное, «виновное», население Абхазии платило взамен этого денежный налог. Так называемая виновность была снята с абхазского населения только в 1907 г.

Особенности политической истории Самурзакано, длительное обособление этого региона от остальной территории Абхазии — все это оказывало значительное влияние и на развитие происходивших здесь этнокультурных и этноязыковых процессов; видимо, все это способствовало и укреплению локальной «самурзаканской» идентичности.

Скупые данные источников XVII–XVIII вв. фиксируют в Самурзакано мегрельское население. С 80-х годов того же столетия вследствие захвата этой территории абхазскими феодалами сюда усиливается приток абхазского населения. Видимо, абхазский язык и абхазский компонент населения Самурзакано в XVIII — начале XIX в. играл более значительную роль, чем в конце XIX в. Вероятно, это было связано с тем, что формирование населения Самурзакано происходило в период, когда там установилось политическое господство абхазских феодалов. Факты исторических миграций абхазов в Самурзакано (в основном до XIX в.) подтверждают и народные предания, существовавшие в этом районе.

Одно из преданий сообщает, что в 70-е годы XVII в. население на территории между Галидзгой и Ингури было страшно разорено постоянными войнами. Такое запустение продолжалось до того времени, когда в Самурзакано поселился Куап Шервашидзе, которому эта область досталась при разделе наследства. Он отправился туда со своей дружиной из князей и дворян, которые «по народному обычаю последовали за ним с частью своих подвластных», а вскоре и семьи их переселились туда же. Малочисленное местное население охотно признало покровительство пришельцев, надеясь на их защиту.

Только со времени Мурзакана началось заселение этого края, причем колонизация из Абхазии преобладала над колонизацией из Мегрелии. Видимо, существенная роль Мурзакана Шервашидзе в развитии этого владения и стала причиной того, что оно получило название по его имени: *Самурзакано*, т.е. область, принадлежащая Мурзакану. Следует отметить, что подобное название типично для обозначения грузинских феодальных владений (сравни: Сабаратиано, Самачабло, Сабедиано и т. п.).

Указанные выше народные предания отмечают большую роль абхазских переселенцев в формировании населения Самурзакано, причем эти переселения «имели характер общих мероприятий: привилегированные фамилии всегда сопровождались ... своими подвластными», поэтому «абхазская община переносилась ... в полном составе» в Самурзакано.

Видимо, подтверждением правдивости этих преданий можно считать то обстоятельство, что в Самурзакано все княжеские и дворянские фамилии были те же, что и в Бзыбской Абхазии (исключая князей Чхотуа, считавшихся выходцами из Имерети или Сванети) (РГВИА. Ф. 90. Д. 120. Л. 74; Мачавариани, Бартоломей, 1864: 75). Та же картина наблюдалась в сословии свободных крестьян, и только в зависимом сословии «родственная связь самурзаканского населения с абхазским» начинала исчезать: в этом сословии было много фамилий «чисто мингрельского происхождения».

Как свидетельствуют архивные документы 1870-х годов, некоторые фамилии самурзаканских феодалов еще сохраняли память о том, что их предки некогда переселились из Бзыбской Абхазии. Так, прадед дворян Чацубаия (его потомки жили в селениях Речхи и Падгу), согласно семейному преданию, переселился из селения Бармыш вместе с тавадами Инал-ипа и со своими подвластными крестьянами. Действительно, в упомянутом селении жили их однофамильцы

Чац/Чацба — амиста тавадов Инал-ипа (ЦГАА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 9. Л. 235; Д. 10. Л. 12). Князья Сатишвили (из поселка Рекка селения Бедия) считали, что их предок Шат-ипа Чабалурхва (мегрельская форма фамилии — Сатишвили) был выходцем из Пицундского округа, откуда он переселился в Самурзакано со своими крестьянами (ЦГАА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 9. Л. 180).

Некоторые семьи самурзаканских феодалов поддерживали тесные родственные связи с жителями Бзыбской Абхазии и в XIX в. Однофамильцы считались ближайшими родственниками несмотря на различие в религии — христианской в Самурзакано и мусульманской в Бзыбской Абхазии.

По сравнению с XVII в., когда, по свидетельству источников, этот район преимущественно населяли мегрелы, к XIX в. этнический состав населения Самурзакано стал более сложным. В это время Самурзакано всеми авторами безоговорочно включается в состав Абхазии: во всех документах именно река Ингури обозначена как граница Абхазии и Мегрелии (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19242. Л. 3; Ф. 482. Д. 193. Л. 118, 143). О Самурзакано как о части Абхазии писали не только в смысле политическом, но и в смысле этническом, причисляя население Самурзакано к «абхазскому племени»: «одноплеменные Абхазцы и Самурзаканцы» (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19256. Л. 6). Ф. Торнау неоднократно отмечал, что абхазы (по его выражению, «племя абазин») живут вплоть до Ингури (т.е. и в Самурзакано) (РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 17. Л. 24). Интересно, что Н. Дадиани, описывая как очевидец похороны самурзаканского владельца Манучара Шервашидзе, отмечает, что в селении Барбала происходило «большое и выдающееся по обычаю абхазцев оплакивание и горевание» (Дадиани, 1902: 91).

Владелец Абхазии Михаил Шервашидзе обосновывал свои права на Самурзакано единым «происхождением сего округа с абхазцами» и подчеркивал, что это подтверждается «преданиями и личными свидетельствами старожилов, географическим положением Самурзакани, ... языком, нравами, родственными связями ... тождеством фамилий самурзаканских и абхазских» (ЦГИАГ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 80. Л. 5). Одним из абхазских «племен» считал самурзаканцев Дюбуа де Монпере, а А. Берже называл их «однородным с Абхазцами племенем» (Дюбуа де Монпере, 1937: 123; Берже, 1857: 272). В архивных документах 1870-х годов встречаются утверждения, что Самурзакано отделяется от Абхазии «не этнографически, а политически» (ЦГАА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 127. Л. 5).

Но можно ли утверждать, что население Самурзакано, даже принимая во внимание причисление в различных документах и сочинениях его населения к «абхазскому племени», было этнически однородным в XVIII — начале XIX в.? Судя по всему, вряд ли. Во всяком случае, уже данные первой трети XIX в. свидетельствуют о полиэтничности населения этого района. Так, Ф. Торнау в 1835 г. отмечал, что «трудно определить, какого именно происхождения народ, ее (т. е. Самурзакань. — Л. С.) населяющий», поскольку там говорят «частью абхазским, частью мингрельским языком» (РГВИА. Ф. 482. Д. 57. Л. 7).

Одной из особенностей этнической истории Самурзакано были миграции в этот район значительных масс населения из соседних областей Западной Грузии, главным образом из Мегрелии. Причины этих переселений были различны: классовая борьба и социальные противоречия, малоземелье, продажа крепостных крестьян, захват абхазскими феодалами пленных в Мегрелии, кровная месть и др. Определенное значение имели также стихийные бедствия и опустошительные эпидемии чумы и других болезней. Подобные миграции отмечаются на протяжении практически всего XIX в., особенно они усилились после отмены крепостного права (подробнее о роли миграций в этническом развитии Самурзакано см.: Соловьева, 2009а: 376–395). О масштабах переселений из соседнего региона в Самурзакано говорит тот факт, что к началу 1880-х годов, по сообщению чиновников, здесь «нелегально» проживало уже несколько тысяч семей из Мегрелии (ЦГИАГ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 19. Л. 5 об.). О том, что доля мегрельского населения в Самурзакано была значительна, свидетельствует и интенсивность происходивших здесь этноязыковых и этнокультурных процессов, приводивших к распространению абхазо-мегрельского двуязычия и взаимовлияний в разных сферах бытовой культуры местного населения (Соловьева, 1990: 5–16; Соловьева, 2009б: 241–258).

Итак, название *самурзаканцы* возникло в пределах Абхазского княжества и происходит от феодального владения *Самурзакано*, располагавшегося на территории между реками Ингуром и Галидзгой (Аалдзга). (Впоследствии граница изменилась и стала проходить по р. Охурей, и, например, село Поквеша/Пакуашь перешло из числа «самурзаканских» в «абжуйское»). Формирование самоназвания жителей Абхазии по территориальному признаку было связано с

особенностями общественных отношений в абхазском феодальном социуме: наряду в этнической идентичностью для населения Абхазии в то время была характерна и локальная идентичность, как правило, формировавшаяся в пределах княжеских уделов — отсюда названия бзыбцы, гумцы, абжуйцы.

Однако в то время как в официальных документах XIX в. население всех остальных частей Абхазии объединялось общим названием — «абхазы», без фиксации локальных наименований, население Самурзакано продолжали выделять из общего ряда, обозначая этим по сути территориальным названием и придавая ему фактически значение этнонима. И это относится не только к официальным бумагам. Так, Нико Дадиани, сообщая о событиях начала XIX в., пишет об абхазах и самурзаканцах (груз. *самурзаканоэлеби*) (Дадиани, 1902: 63).

Особенности политической истории Самурзакано, его длительное административное обособление от других районов Абхазии, своеобразие этнокультурного и религиозного развития этого региона, особый социальный статус жителей (в отличие от «виновного населения» Абхазии) привели к укреплению локальной «самурзаканской» идентичности и, видимо, к тому, что она теряла исключительно территориально-политический характер. Фактически эта идентичность была во многом навязана сверху, чему способствовала проводимая в течение нескольких десятилетий административная политика Российского государства.

Следует учитывать, что в условиях Российской империи название *самурзаканцы* относили ко всем тем абхазам и мегрелам, кто имел (независимо от времени переселения на данную территорию) право на постоянное проживание, в отличие от категории *временно проживающих* недавних переселенцев, не приписанных к какому-то из сельских обществ Самурзакано. В силу тех или иных причин государству в тот период было удобно сохранять этот локальный «этноним», что, возможно, объясняется отчасти традицией употребления этого термина для данной территории, только в 1865 г. окончательно объединенной административно с остальными районами Абхазии.

Вместе с тем нельзя отрицать и того, что наряду с «локальной» идентичностью самурзаканцы сохраняли и этническую идентичность: об этом говорит факт отказа от наименования «самурзаканцы» в изменившихся исторических условиях: по переписи 1926 г. мы видим в

Самурзакано уже не самурзаканцев, а мегрелов, абхазов и грузин. В советское же время это название фактически вышло из употребления.

Таким образом, можно полагать, что субэтноним (или топоэтноним) *самурзаканцы* практически на всем протяжении своего существования употреблялся в отношении этнически смешанного населения, проживавшего в зоне этнического пограничья. Конечно, в разные периоды истории Самурзакано доля абхазского и грузинского/мегрельского этносов в составе населения этого района не оставалась неизменной и, судя по всему, доля грузин/мегрелов значительно увеличилась здесь в основном к концу XIX в. К сожалению, документально обоснованных исследований данной проблемы пока еще нет.

Поэтому споры о том, кто самурзаканцы по этнической принадлежности — абхазы или грузины — не могут иметь однозначного ответа. В различные периоды истории население Самурзакано было более или менее этнически неоднородным, с большей или меньшей степенью распространения абхазо-мегрельского двуязычия.

К сожалению, политизированность вопроса об этнокультурной принадлежности населения бывшего Самурзакано не способствует объективному рассмотрению данной проблемы. Не только некоторые политики, но и историки порой склонны решать этот вопрос односторонне, причисляя предков самурзаканцев или исключительно к абхазам, или исключительно к грузинам/мегрелам (см., напр.: Очерки, 2009: 408, 417, 570).

На наш взгляд, объективное освещение вопроса — кто такие самурзаканцы — особенно важно для независимой Абхазии, поскольку это поможет сформировать адекватный подход к решению вопроса об интеграции «гальцев», потомков самурзаканцев, во все сферы жизни новой Абхазии. Это важно и для нашей страны, поскольку Российская Федерация признала независимость этого государства и должна быть заинтересована в стабильности в этом непростом регионе.

Приведенный выше материал, посвященный особенностям современных интерпретаций субэтнонима «самурзаканцы», как представляется, будет полезным в ходе преподавания целого ряда гуманитарных дисциплин, в курсах которых рассматриваются современные и исторические проблемы Абхазии, взаимоотношения Абхазии и Грузии, Грузии и России, чтобы студенты получали более полную и по возможности объективную информацию о развитии исторических взаимоотношений абхазского и грузинского народов.

Добавим также, что на примере рассмотрения данной частной проблемы можно продемонстрировать студентам, насколько серьезны и деликатны все аспекты межнациональных отношений.

Литература и источники

Берже, А. (1857) Краткий обзор горских племен на Кавказе // Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис.

Дадиани, Н. (1902) История Грузии // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 31. Тифлис.

Дзидзария, Г. А. (1940) Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX в. Сухуми.

Дюбуа де Монпере, Ф. (1937) Путешествие вокруг Кавказа. Сухуми.

Мачавариани, Д., Бартоломей, И. (1864) Нечто о Самурзакани // Зап. Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 6. Тифлис.

Очерки истории Абхазской АССР (1960). Ч. 1. Сухуми.

Очерки по истории Грузии (2009). Абхазия с древнейших времен до наших дней. Тбилиси.

РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19242; Ф. 482. Д. 193.

РГВИА. Ф. ВУА. Д. 19256.

РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 17.

РГВИА. Ф. 90. Д. 120. Л. 74

РГВИА. Ф. 482. Д. 57.

Селезнев, М. Руководство к познанию Кавказа. Т. 2. СПб., 1847. С. 135–136.

Соловьева, Л. Т. (2009а) Миграционные процессы в юго-восточной Абхазии и их влияние на этнокультурное развитие региона (XIX — начало XX в.) // Расы и народы. Вып. 34. М.

Соловьева, Л. Т. (2009б) Этнокультурное взаимодействие и религиозные традиции: юго-восточная Абхазия в XIX — начале XX в. // Этнос и среда обитания Т. 1. М.

Соловьева, Л. Т. (1990) Языковые процессы в этноконтактной зоне (по материалам юго-восточной Абхазии) // Проблемы изучения традиций в культуре народов мира. Вып. 1. М.

ЦГАА. Ф. 57. Оп. 1. Д. 9; Д. 10.

ЦГИАГ. Ф. 4. Оп. 8. Д. 80.

ЦГИАГ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 19.

Эсадзе, С. (1907) Историческая записка об управлении Кавказом. Т. 1. Тифлис.

**ГЕНЕЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПАМИРОВЕДЕНИЯ
(ВУЗОВСКИЙ СПЕЦКУРС)**

В. П. Терехов (Российская академия наук)

**The Genesis of Scientific
Research on the Pamirs in Russia (University Course)**

*V. P. Terekhov
(The Russian Academy of Sciences)*

Доклад посвящен проблеме зарождения нового направления в отечественном востоковедении — изучению русскими исследователями высокогорного Памирского региона в условиях так называемой Большой игры.

Ключевые слова: англо-русское соперничество, научные и военные исследования, Памир.

The report considers the problem of origin of a new direction in Oriental Studies in Russia — the study on mountainous Pamir region by Russian explorers in the so-called Great Game.

Keywords: Anglo-Russian rivalry, scientific and military research, Pamir.

Включение исторического образования в контекст проблем мировой культуры требует не ограничиваться только собранными за века фактами, но и увидеть субъектную сторону развития науки — раскрыть вклад исследователей, путешественников, этнографов в формировании той или иной отрасли исторического знания.

Особенно это важно в вузовской работе. Видится целая система спецкурсов и спецсеминаров этого направления. Содержание одного такого спецкурса мы и приводим ниже. Этот спецкурс посвящен формированию отечественного памироведения.

Богатый материал для познания прошлого, без которого немислим анализ современности, дает наука востоковедение, или ориенталистика — совокупность научных дисциплин, занимающихся изучением социокультурных аспектов жизни народов Азии и Северной Африки. В рамках одного из подразделений востоковедения — иранистики — во второй половине XIX века зародилось *памироведение*. Как комплексная наука, оно ставит своей целью изучение истории, философии, религии,

памятников культуры, языков, экономики и современного положения народов, проживающих на Памире.

Памироведческие исследования были инициированы в период острой политико-дипломатической борьбы между Англией и Россией — двумя крупнейшими империями мира. Огромные владения в Индии и наличие там англо-индийских колониальных войск были опорой в задуманных Британией планах завоевания или подчинения соседних с «жемчужиной британской короны» государств — Ирана, Афганистана и др. Для обоснования новых захватов на Востоке использовался тезис, будто Россия хочет напасть на Индию, и высказывались опасения о возможном вторжении туда русских войск со стороны Центральной Азии.

Во второй половине XIX столетия, особенно после завоевания и присоединения к России Средней Азии, внимание как английских, так и русских политиков, дипломатов и военных все больше обращалось на страны, находившиеся между Индией и российскими владениями. Именно в этот период на территории от Аравийского п-ова до Японских о-вов развернулась так называемая Большая игра, под которой понимается соперничество Британии и России, стремившихся к установлению контроля за рынками сбыта и источниками сырья в глубинных районах Евразийского континента.

Одним из объектов в этой «игре» был Памир — горная страна в Центральной Азии, восточную часть которой населяли кочевники-киргизы, а западную — немногочисленные восточноиранские народности — бартангцы, ваханцы, ишкашимцы, рушанцы, шугнанцы и др. (Каландаров, Терехов, 2006; Моногарова, 1973). (Ныне и те и другие проживают в Горно-Бадахшанской автономной обл. Республики Таджикистан.) Памир представлял интерес прежде всего в силу своего стратегически важного географического положения — как пограничной территории между Азией и Европой.

Вместе с тем вплоть до середины XIX столетия этот регион оставался *terra incognita* для европейцев. Было известно, что в средние века китайские паломники и купцы двигались по отрезку Великого шелкового пути, пролегавшему через Памир, а первое описание этого горного края относится к VII в. и принадлежит перу китайского буддийского монаха Сюань Цзана, который возвращался из Индии через долину По-ми-ло (Памир). Сведения средневековых китайских и арабских источников немногочисленны, кратки и сбивчивы. А первый европеец — венецианский купец Марко Поло — попал в данный регион

только в XIII столетии. Даже в начале 1870-х годов военное и внешнеполитическое ведомства России при составлении справок о Памире были вынуждены констатировать, что это один из самых малоизвестных уголков земного шара (Постников, 2005: 102). Они затруднялись дать определенное заключение относительно местоположения памирских владений, не говоря уже о языках, нравах и обычаях людей, там живших.

Памир оказывался недоступен для европейцев по двум причинам: во-первых, небольшие феодальные памирские княжества находились в вассальной зависимости от соседних, более могущественных государств, которые не давали разрешения на поездки туда, во-вторых, путешествия в высокогорные районы были трудны и опасны для жителей равнин вследствие тяжелых погодных условий, резких перепадов температур в течение дня, развития горной болезни, сопровождаемой кислородным голоданием и физическим утомлением, а также из-за инсоляции, частых землетрясений, камнепадов и т.п.

Несмотря на это, англичане первыми приступили к изучению не только географии граничащих с Индией на севере горных районов, но и возможных путей вторжения русской армии. Кроме того, они начали серьезное зондирование политической и экономической обстановки в Среднеазиатском регионе. С этой целью ими была создана специальная служба, занимавшаяся сбором разведанных, а также географическими разысканиями под эгидой Королевского географического общества (Derek Waller, 1990: 1–32). В качестве разведчиков и исследователей в одном лице выступали на территории Афганистана, Памира и Восточного (Китайского) Туркестана английские офицеры. Помимо боевой подготовки они имели хорошие знания в области геодезии и картографии, а также в инженерном деле. В сборе сведений о дорогах, перевалах, горных вершинах, водных источниках и т.д. англичанам помогали так называемые *пундиты* (пер. с хинди — «учителя») — шпионы из местных жителей, прошедшие специальную топографическую и геодезическую подготовку. Они прекрасно ориентировались на местности, не привлекая к себе внимания, и пользовались своим знанием языков и обычаев туземцев. О «Большой игре» и роли пундитов увлекательно написал в своем романе «Ким» Редьярд Киплинг.

Первым из европейцев, кто после Марко Поло и португальского миссионера Бенедикта Гоеса добрался до Памира, двигаясь из Кабула, был английский офицер Джон Вуд. В 1838 г. он открыл оз. Зоркуль,

которое назвал именем своей королевы Виктории, и первым высказал правильные в целом предположения относительно горной системы Памира. В 1868 г. важные сведения о Восточном Памире удалось собрать английскому разведчику Дж. Хейуорду. Он составил карту этой части Памира и первым описал ее орографические черты, а также хорошо изучил систему оборонительных сооружений и вооружение важнейших крепостей Восточного Туркестана.

Активизация исследовательской и разведывательной деятельности англичан на подступах к Памиру не прошла незамеченной в военном министерстве и МИД России, о чем свидетельствуют сообщения русских разведчиков и дипломатов, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве и Архиве внешней политики Российской империи (напр.: РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 129; АВПРИ. Ф. 147. Оп. 485. Д. 621).

С самого начала российское научное памироведение имело прикладной характер, т.е. по своему источнику формирования являлось практическим, — для обслуживания военного и дипломатического ведомств.

Родоначальниками отечественного памироведения были военные специалисты, что дает право говорить о существовании в России военного памироведения как самостоятельного направления в исследовании Памира и Припамирья. Становление его происходило в 1870-е годы, когда Российская империя готовилась присоединить находившиеся у ее границ феодальные среднеазиатские владения — Бухару, Коканд и Хиву. Тогда же началось изучение с военно-научными целями и сопредельных с ними государств. В 1876 г. в районы Восточного Памира с военными заданиями были командированы офицеры Л. Ф. Костенко и В. Л. Коростовцев, И. В. Мушкетов. В 1879 г. из Бухары в Афганистан через Афганский Бадахшан с военно-географическими целями проехал полковник Н. И. Гродеков. В 1883 г. Восточный Памир исследовал капитан Д. В. Путята.

В этот период деятельность военных памироведов была обусловлена в первую очередь военно-стратегическими задачами, связанными с выходом России к границам сопредельных азиатских государств, военно-политическим соперничеством с Англией, стратегическим планированием на случай войны с последней и подготовкой маршрутов движения войск. Позднее, к началу XX века, когда памирские княжества находились в составе Бухарского ханства — вассала России, ведущим стал военно-административный фактор —

подготовка специалистов для «военно-народного управления» на территориях, подведомственных туркестанскому генерал-губернатору, проведение военно-статистических исследований и т.п.

Параллельно с военными в изучение Памира и Припамирья включились и гражданские специалисты — ученые разных специальностей, инженеры, сотрудники научных ведомств и др. Они занимались в предгорных и горных районах геологическими, географическими, ботаническими, зоологическими и другими исследованиями. При этом отправлявшиеся в горные регионы экспедиции функционировали под патронажем научных организаций, главным образом Русского географического общества (РГО) и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Московском университете. Их научно-исследовательская деятельность активизировалась после образования Туркестанского генерал-губернаторства — провинции на территории Западного Туркестана, присоединенного к Российской империи в 1867 г.

Начало систематическому изучению Памира в географическом, политическом, хозяйственном и этническом отношениях положили исследования 1869–1872 гг. биолога, географа и путешественника А.П.Федченко, прикомандированного ОЛЕАЭ к Туркестанскому военному округу. Задуманный им план организации и посылки на Памир небольшой научной экспедиции не удалось реализовать из-за сложной международной обстановки. Этот регион оставался недоступным как для англичан, так и для русских.

Ученого беспокоил тот факт, что «самое любопытное открытие географическое», т. е. проникновение на Памир, будет сделано не русскими. И британские, и российские исследователи стремились утвердить свой приоритет в научном открытии и изучении Памирского нагорья. А. П. Федченко первым проник в труднодоступные горные цепи Алая, занимающие промежуточное положение между Тянь-Шанем и Памиром, осуществил несколько плодотворных путешествий по некоторым регионам Средней Азии, однако на Памир так и не попал. Отправившись в Альпы, чтобы заняться изучением ледников, он погиб. Его дело позднее продолжили жена и сын, не раз бывавшие на Памире и собравшие обширные, главным образом ботанические, коллекции, а также изучавшие местные ледники.

В 1877–1878 гг. в горном регионе работала Фергано-памирская экспедиция под руководством зоолога и путешественника Н. А. Северцова, в состав которой входили географы, астрономы,

топографы, зоологи. Исследователи изучали не известные ранее науке местности. Весьма важными были экспедиции натуралистов братьев Г. Е. и М. Е. Грум-Гржимайло, собиравших в 1880-е годы сведения о хребтах, озерах и материалы по энтомологической фауне.

Таким образом, уже на начальном этапе своей истории памироведение наряду с прикладным характером приобретает сугубо научные черты. То, что ученые и натуралисты отдавали предпочтение географии, а именно орографии, гидрографии и картографии, понятно. Данный факт объясняется, безусловно, прежде всего политическими задачами, которые приходилось решать в ходе «Большой игры». Вместе с тем, осуществляя прикладные исследования, ученые-памироведы проводили разыскания и делали открытия в тех областях знаний, которые имели значение для мировой науки. Неслучайно большинство исследователей Памира состояли членами РГО, ОЛЕАЭ и других научных обществ и их работы по изучению горных регионов были отмечены медалями.

Свою лепту в становление практического и научного памироведения внесли сотрудники военного и дипломатического ведомств России. Военные миссии и дипломатические агенты доставляли в Санкт-Петербург подробные донесения о политическом положении, географии, этническом составе населения как памирских княжеств, так и сопредельных государств. Крупнейшим специалистом в области военной географии и знатоком быта памирских народов был русский генерал А. Е. Снесарев. Ценные сведения о политическом положении на Памире были собраны подполковником Б. Л. Громбчевским. В АВПРИ хранятся представляющие большое значение для памироведения донесения российских политических агентов в Бухаре и генеральных консулов в Кашгаре, в которых содержатся сведения военно-политического характера (напр.: АВПРИ. Ф. 147. Оп. 486. Д. 159–185; РГВИА. Ф. 1396. Оп. 2. Д. 1540, 1545).

К началу XX в. источниковую базу памироведения составляли путевые записки, отчеты, описания, доклады, очерки, представленные военными и гражданскими специалистами-памироведами в военное ведомство, МИД России, а также опубликованные в изданиях РГО, ОЛЕАЭ и других научных обществ. Несмотря на существенную естественно-научную базу данных о Памире, специальных работ, посвященных археологии, истории и историческим памятникам, этнографии, культуре, верованиям, фольклору народов Памира и Припамирья в России в XIX столетии было опубликовано мало

(Арунова, 2006: 212). Тем не менее даже те немногие сведения, которые удалось собрать исследователям, представляли немалую ценность.

Значительный вклад в изучение материальной и духовной культуры народов Памира и становления памироведения как науки внес граф А. А. Бобринский — потомок Екатерины II. Однажды приехав в высокогорье поохотиться на местных козлов и баранов-архаров, он под влиянием своего спутника, зоолога Н. В. Богоявленского увлекся этнографией. Не будучи профессионалом, он первым из русских исследователей доказал, что жители Западного Памира исповедуют *исмаилизм* — одно из направлений шиитского ислама (об исмаилизме и доисламских верованиях см.: Каландаров, 2002: 299–412). Уже в первой поездке 1895 г. он начал собирать материалы о традициях и обычаях, доисламских верованиях и особенностях языков местных народов. Совершив три экспедиции в горный край, он издал на собственные средства несколько работ, которые не потеряли своей актуальности до сих пор.

На начальном этапе пионерами памироведения были заложены основы нового направления в востоковедении и научные традиции. Им приходилось одновременно заниматься широким кругом исследований и проявлять различные аспекты своих знаний и интересов. В сложной международно-политической обстановке и в не менее трудных природно-климатических условиях военные и гражданские памироведы утвердили приоритет русской науки. Происходило накопление полевых материалов и публикаций, расширялась тематика исследований, осуществлялось взаимодополнение разных наук. Начавшись с эпизодических, непланомерных, необобщенных исследований, практическое памироведение уже к началу XX века обогатилось опытом и новыми знаниями. Оно вступило в стадию комплексного и систематического изучения проблем Памира и его народонаселения.

Список источников и литературы

- АВПРИ. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 147 (Среднеазиатский стол). Оп. 485. Д. 621; Оп. 486. Д. 159–185 (Коллекция политических агентств).
- Арунова, М. Р. (2006) К истории российского памироведения // Памирская экспедиция (статьи и материалы полевых исследований). М., 2006. С. 212.
- Каландаров, Т. С. (2004) Шугнанцы: историко-этнографическое исследование. М., 2004.

Каландаров, Т. С., Терехов, В. П. (2006) Путешествие в страну рубиновых гор. М., 2006.

Моногарова, Л. Ф. (1973) Памирцы // Вопросы истории. 1973. № 2.

Постников, А. В. (2005) Схватка на «Крыше мира»: Политики, разведчики, географы в борьбе за Памир в XIX веке.

РГВИА. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1396 (Штаб Туркестанского военного округа). Оп. 2. Д. 129; Д. 1540, 1545 (донесения русского консула в Кашгаре).

Waller, D. J. (1990) *The Pundits: British Exploration of Tibet and Central Asia*. Kentucky, 1990.

ИМАГОЛОГИЯ В КУРСЕ «ТЕОРИЯ КУЛЬТУРЫ»

А. Р. Ощепков

(Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина)

Imagology in the Course “Theory of Culture”

A. R. Oshchepkov (A. S. Pushkin State Institute of the Russian Language)

Доклад посвящен анализу методических проблем преподавания новой дисциплины — имагологии. Автор рассматривает вопрос о месте имагологии в курсе «Теория культуры», дает краткий экскурс в историю имагологии, приходит к выводу о том, что имагология является иллюстрацией феноменологического метода в курсе теории культуры.

Ключевые слова: имагология, интенциональность, образ Другого, имаготипические структуры, культурная иконография, phenomenology.

The paper covers analysis of methodical problems of teaching a new discipline — imagology. Author considers the status of imagology in the course “Theory of Culture”, presents a brief excursus in the history of imagology, and arrives at a conclusion that imagology is an illustration of the phenomenological method in the course of theory of culture.

Keywords: imagology, intentionality, image of Another, imagotypical structures, cultural iconography.

Курс «Теория культуры» включает раздел о методах изучения культуры и, в частности, о феноменологии. Как известно, ключевое понятие феноменологии — интенциональность, то есть конструирование

объекта сознанием. Для феноменологии не существует разделения на «внешнюю» и «внутреннюю» реальность. Объект понимается как активность самого сознания.

Представляется, что своеобразным преломлением и приложением феноменологического метода стала имагология — относительно новая сфера исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа «чужого» (чужой страны, народа и т. д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи. В последнее время имагология быстро развивается, издаются сборники («Нравы и образы. Европейские исследования по имагологии»: Клермон-Ферран, 1997; «Представление о «другом» и национальная идентичность: методология литературоведческого исследования»: Фазано, 1997 и др.), журналы («Синтез», «Аркадия»), библиографии (см., напр., составленную М. Беллером и опубликованную в 1997 г. “Bibliography of research methods in literary national characteristics”), серьезные монографии (Л. Вульф «Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения», 1994; И. Б. Нойманн «Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей», 1998 и др.).

Наиболее заметные фигуры имагологии Х. Дизеринк, Ж. Леерссен, Ж.-М. Мура, Д.-А. Пажо, М. Фишер. В нашей стране интерес к имагологической тематике в последнее время заметно усилился, о чем свидетельствуют работы Е. Ю. Артемовой, В. Е. Багно, Н. П. Михальской и др., выход в свет сборников «Одиссей. Человек в истории. Образ «другого» в культуре» (1993), «Россия и Европа в XIX — XX вв. Проблема взаимного восприятия народов, социумов, культур» (1996), «Образ России. Россия и русские в восприятии Запада и Востока» (1998), «Россия и Запад в начале нового тысячелетия» (2007) и др. Растущий интерес к имагологии делает желательным ознакомление студентов-гуманитариев с основами этой дисциплины.

Статус имагологии в современном гуманитарном знании не вполне определен. Одни исследователи рассматривают имакологию как теоретическую или историко-литературную дисциплину в рамках литературоведения как «учение об образах» (Яценко Н. Е., 1999) или исследование устойчивых образов (имиджей) чужого, другого (по этнической, культурной и языковой принадлежности), объективированных в литературных текстах (Миры образов — образы мира, 2003), другие как раздел исторической науки, исследующий те представления о другом народе или стране, которые складываются в

общественном сознании той или иной страны на определенном историческом этапе (Мезин С. А., 2002), третьи как ответвление культурологии или социологии, исследующих представления участников культурного диалога друг о друге (Нойманн И., 2004), четвертые как технологию создания имиджей (Почепцов Г. Г., 2000).

Истоки имагологии следует искать во французском сравнительно-историческом литературоведении 1950-х гг., стремившемся обновить свой тематический реестр и исследовательский инструментарий. Первопроходцами в этом направлении были два французских ученых — профессор Сорбонны Жан-Мари Карре, издавший в 1947 г. монографию «Французские писатели и немецкий мираж: 1800–1940», и его коллега Мариус-Франсуа Гийяр, перу которого принадлежит книга «Сравнительное литературоведение» (1951).

Ж.-М. Карре исследовал, как формировался и эволюционировал образ Германии во французской литературе XIX — первой половины XX века. В предисловии к книге Карре подчеркивал, что он не собирается изучать влияние немецкой литературы на французскую, что свою цель он видит в том, чтобы «напомнить о тех оптических ошибках, которые были допущены французскими писателями» в их представлениях о Германии (Carré J.-M., 1947).

Книга М.-Ф. Гийяра стала своеобразным теоретическим манифестом, декларировавшим необходимость обращения к новой (имагологической) проблематике в рамках компаративистики. М.-Ф. Гийяр вступил в полемику с американскими литературоведами-компаративистами, которые, с его точки зрения, слишком большое внимание уделяли изучению литературных контактов и влияний. Гийяр же полагал, что «изучение влияний часто обманчиво и разочаровывает» (Guyard M.-F., 1951). Еще когда речь идет о конкретном писателе, изучение того, кто из иностранных авторов привлекал его внимание, был им прочитан, оказал на него воздействие, может быть плодотворным, поскольку описать круг литературных предпочтений того или иного автора отчасти значит описать его самого. Однако когда речь заходит о влиянии одной национальной литературы на другую, то часто, полагал Гийяр, все сводится к спекуляциям, произвольным построениям и словоблудию, так как для честного наблюдателя нация — слишком сложный конгломерат, она не редуцируема к некоему простому единству. Отсюда следовал вывод Гийяра: «Не будем больше прослеживать и изучать иллюзорные влияния одной литературы на другую. Лучше попытаемся понять, как формируются и существуют в

индивидуальном или коллективном сознании великие мифы о других народах и нациях... — в этом залог обновления компаративистики, новое направление ее исследований» (Guyard M.-F., 1951). Таким образом, Гийяр предложил переключить внимание исследователей с проблемы литературных влияний на проблему рецепции «другого».

Призыв Гийяра был услышан, и в 1950–60-х гг. во Франции появились солидные исследования образа «чужого» (например, работы А. Лортолари, Ш. Корбе, М. Кадо об образе России во Франции).

Однако поворот в литературоведении не только к новой проблематике, но и к новой методологии принято связывать с именем бельгийского ученого Хуго Дизеринка. В 1966 г. он опубликовал статью «К проблеме «имиджей» и «миражей» и их исследования в рамках сравнительного литературоведения», ставшей теоретическим манифестом и основой «Аахенской программы по имагологии».

Рассматривая имагологию как направление в компаративистике, задачей которого является исследование в литературе образа другой страны, народа, культуры, Дизеринк подверг виртуализации понятие «нация». С его точки зрения, нация не есть реально существующая общность, но всего лишь ментальная конструкция, «временная модель мышления». Таким образом, Дизеринк поставил под сомнение объективное существование наций, а значит и национальной идентичности. Дизеринк применяет к изучению образа Другого в литературе феноменологический метод, рассматривающий любой художественный феномен вне какого-либо контекста и вне соотнесенности с реальностью.

Этот процесс виртуализации нации был начат Карлом Поппером, провозгласившим, что «нация — определенное количество людей, объединенных общим заблуждением касательно своей истории». На становление имагологии значительное влияние должна была оказать концепция социального конструктивизма Лукмана-Бергера, утверждавших в своей книге «Конструирование социальной реальности» (1966), что общество — непрерывное конструирование значений и символов, определяющих затем деятельность, социальную практику человека.

Имагология отразила переход от эссенциализма к конструктивизму. В трактовке имагологов, нация — не есть идентичность (сущность), но идентификация (то есть отношение, отождествление себя с определенными национальными мифами, интеллектуальными конструктами, которые лежат в основе ощущения

принадлежности к нации и влияют на культурную и социальную практику той или иной нации). Имагология исследует имаготипические структуры, то есть те ментальные модели, которые служат основой национальной идентичности и самоидентификации той или иной нации, и их объективирование в литературе.

Вместе с тем имагология неоднородна. Одно из направлений современной имагологии — культурная иконография («*imagerie culturelle*» — от франц. «*imagerie*» — производство картинок, гравюр; совокупность образов; обработка, техника получения изображений). Его основоположником является французский ученый Даниель-Анри Пажо. Оригинальная программа исследования образа «чужого» была изложена Д.-А. Пажо в его статьях «Перспектива исследований в сравнительном литературоведении: культурная иконография» (1981) и «Культурная иконография: от сравнительного литературоведения к культурной антропологии» (1983). Цель «культурной иконографии» — изучить сложный механизм формирования имиджей, образов «чужого» под воздействием политических, исторических, социокультурных и прочих факторов. Д.-А. Пажо полагает, что положительный вектор в развитии современного литературоведения может быть обеспечен сближением компаративистики с культурной антропологией и историей идей. Он призывает не отделять изучение образа Другого в литературе от исследования ментальных структур (культурных моделей, ценностных систем, свойственных изучаемой культурно-исторической эпохе), задающих писателю критерии отбора материала и принципы создания образа «чужого», что предполагает исследование образов чужих стран и народов в широком историко-культурном контексте.

Д.-А. Пажо считал, что вопрос правдивости дискурса о чужой стране не корректен и не должен быть целью литературоведческого исследования. Речь должна идти о законах построения этого дискурса, о принципах и приемах конструирования образа «чужого», о роли стереотипов в этом процессе (Pageaux, 1989).

Таким образом, знакомство с основами имагологии в курсе «Теории культуры» позволит студентам проникнуть в лабораторию современной гуманитарной мысли, увидеть, как феноменологический подход реализуется в конкретных исследованиях по литературоведению, искусствоведению, истории культуры.

Список литературы

- Артемова, Е. Ю. (2000) Культура России глазами посетивших ее французов (последняя треть XVIII века). М., 2000.
- Багно, В. Е. (2005) Россия и Испания: общая граница. СПб., 2005.
- Вульф, Л. (2003) Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
- Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2007) Россия и Европа: диалог культур во взаимном отражении литератур // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 1. С. 124–131.
- Мезин, С. А. (2002) Стереотипы России в европейской общественной мысли XVIII века // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 148–157.
- Миры образов — образы мира (2003) : Справочник по имагологии. Волгоград.
- Михальская, Н. П. (1995) Образ России в английской художественной литературе IX–XIX вв. М., 1995.
- Нойманн, И. Б. (2004) Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004.
- Почепцов, Г. Г. (2000) Имеджелогия. М., 2000.
- Трыков, В. П., Ощепков, А. Р. (2008) Французская «россика»: особенности понимания России // Тезаурусный анализ мировой культуры : Сб. науч. трудов. Вып. 17. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2008. С. 39–52.
- Трыков, В. П., Ощепков, А. Р. (2010) Русский концентр во французском литературном сознании XIX века // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 146–151.
- Яценко, Н. Е. (1999) Толковый словарь обществоведческих терминов. М., 1999.
- Carré, J.-M. (1947) Carré Les écrivains français et le mirage allemand: 1800–1940. P., 1947.
- Dyserinck, H. (1966). Zum problem der “images” und “mirages” und ihrer untersuchung im rahmen der vergleichenden literaturwissenschaft // Arcadia. 1966. № 1. P. 107–120.
- Imagology: the Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: a Critical Survey. (2007) / ed. by M. Beller and J. Leerssen. Amsterdam.
- Guyard, M.-F. (1951) La littérature comparée. P., 1951.
- Pageaux, D.-H. (1981) Une perspective d'études en littérature comparée : l'imagerie culturelle // Synthesis. 1981. № 8. P. 169–185.
- Pageaux, D.-H. (1983) L'imagerie culturelle: de la littérature comparée à l'anthropologie culturelle // Synthesis. 1983. № 10. P. 79–88.
- Pageaux, D.-H. (1989) De l'imagerie culturelle à l'imaginaire // Précis de littérature comparée. P., 1989. P. 139–140.

ДИАЛОГ НАРОДНОЙ И ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУР В БАЛЛАДАХ ПОЭТОВ-ЛЕЙКИСТОВ (НОВЫЕ АКЦЕНТЫ В ВУЗОВСКОМ ПРЕПОДАВАНИИ РОМАНТИЗМА)

Л. В. Федотова

(Армавирский лингвистический университет)

В докладе развивается концепция диалога народной и цивилизационной культур на примере изучаемых в курсе по зарубежной литературе английских поэтов Вордсворта, Кольриджа, Саути.

Ключевые слова: диалог культур, народная культура, цивилизационная культура, лейкисты.

В преподавании филологических дисциплин появилась возможность сделать новые акценты, причем не частного порядка, а основе существенной методологической идее, согласно которой на современном этапе развития гуманитарного знания парадигма гуманитарных наук образуется на основе культурологии.

В докладе мы развиваем это положение на одном примере — примере изучаемых в курсе по зарубежной литературе английских поэтов С. Т. Кольриджа, У. Вордсворта и Р. Саути. Эти поэты составили единую «школу» в английской поэзии («озерную школу», отсюда их название — лейкисты), хотя на самом деле были очень различны и по уровню, и по характеру дарования и, если не считать юношеских попыток сотрудничества С. Кольриджа и Р. Саути, «Лирические баллады» У. Вордсворта и С. Т. Кольриджа были единственным совместным выступлением поэтов-лейкистов в печати. Поэты замечательно дополняли друг друга. Но, конечно, общение и обсуждение поэтических проблем стимулировали творческие поиски каждого и, по крайней мере для С. Кольриджа и У. Вордсворта, были необходимостью.

Формирование в конце XVIII века и последующее развитие «озерной школы» в английской литературе — звено процесса, являющегося продолжением развития предромантических тенденций на протяжении всего XVIII века в английской поэзии, эстетике (здесь мы опирались на труды И. В. Вершинина, Вл. А. Лукова, Н. А. Соловьевой). Постепенно складывается ранний английский романтизм, и произошло это в поэтическом осмыслении мира, человека и искусства, проявившемся у лейкистов.

Именно лейкистам удалось соединить две существовавших прежде параллельно, но раздельно линии английской поэзии. Одна была представлена мистификациями, собиранием фольклора и его публикацией, подражаниями, проявившимися возникший интерес к народной и (как вариант) старинной (дошекспировской) поэзии Британии. Ее ярчайшие проявления — «Поэмы Оссиана» Д. Макферсона (1765) и «Поэмы Роули» Т. Чаттертона (1770) — самые знаменитые мистификации, стихи Р. Бернса и Фергюссона, основанные на развитии традиций народной культуры. Народная культура подсказала творческим личностям XVIII века две основные формы, приемлемые для их поисков национальной идентичности: жанр баллады и образ природы. Другая линия ориентировалась не на фольклорную, а на цивилизационную модель культуры. В ее основе лежат достижения мирового искусства, науки, авторская индивидуальность как высшая ценность. С этой линией связана такая черта предромантического искусства, как шекспиризация (воплощавшая не подражательность, а, напротив, стремление к свободе авторского самовыражения, как это показано в работах Вл. А. Лукова, Н. В. Захарова, Б. Н. Гайдина). С ней связано развитие классических жанров оды, элегии, в которых уже не требовалось слепо следовать античным образцам и в которых прежде всего в XVIII веке в Англии произошло «открытие природы» — литературное явление, глубоко исследованное И. О. Шайтановым. Поэты этого направления открывали природу подобно ученым, естествоиспытателям, в то время как поэты первого направления возвращались к фольклорным, исходным — мифопоэтическим — представлениям о природе, в чем поэты двух линий отличались друг от друга. На рубеже двух веков в английской культуре появилась странная и гениальная фигура — Уильям Блейк, которого нередко называют последним предромантиком и первым романтиком Англии. В его визионерском творчестве сделана попытка глобального художественного синтеза, в том числе и синтеза двух названных линий. Но сделанное им оставалось не востребовавшимся до середины XIX века, когда Росетти открыл неизвестного автора для мира. Лейкисты знали о его существовании, но считали поэта и художника безумным. Таким образом, Блейк не мог оказать реального влияния на литературный процесс и даже на лейкистов. Они самостоятельно пришли к выводу о необходимости синтеза двух поэтических линий XVIII века, на пересечении которых и родился английский романтизм.

Традиционно и вполне справедливо считается, что первое собственно романтическое произведение в Англии — поэтический сборник У. Вордсворта и С. Т. Кольриджа «Лирические баллады» (1798). Тезаурусный анализ этого сборника прежде всего ставит вопрос: почему он назван «Лирические баллады», а не просто «Баллады»? Ответ на него обозначает контуры того соединения народной и цивилизационной культур, которые осуществили в Англии эти поэты. Хотя уже в средневековой литературе существовал жанр баллады, а его каноническая литературная форма установилась во Франции в XV веке после баллад Карла Орлеанского и Франсуа Вийона, первые английские романтики ориентировались вовсе не на этот канонизированный литературный жанр, а на фольклорный жанр англо-шотландских баллад. Благодаря усилиям Перси и других собирателей фольклора на Британских островах образцы этих баллад сохранились. Эти в разной степени развернутые стихотворные повествования об исторических или легендарных событиях, которые правильнее относить к эпическому роду. В фольклоре нет фигуры автора. Внося в балладу (внешне тоже представляющую собой стихотворное повествование) авторское начало, обладающее вызывающей напряженностью, изощренно оформленное, два поэта вносят лирическую стихию в эпическое полотно, создавая жанр-кентавр, одну часть которого составляет фольклорная конструкция («баллада»), другую — литературная конструкция («лирическая»). Так, в балладе У. Вордсворта «Нас семеро» автор появляется в качестве центрального персонажа, ведущего диалог в маленькой девочкой, задавая ей вопросы», возмущаясь ее непониманием реальности. Автор, таким образом, не совпадает с истинным автором — У. Вордсвортом, это рассказчик (однако специально не отделяемый от автора), поэт придает этому образу черты одновременно и просвещенного ученого, и обывателя, придерживающегося здравого смысла. Девочка никак не может понять, что если двое детей из ее семьи умерли, надо говорить «нас пятеро», она продолжает твердить «нас семеро». Но читатель понимает, что это автор (здесь: рассказчик) не желает понять, что в метафизическом плане, в романтическом истолковании мира права как раз девочка.

Поэты нередко подчеркивают соединение фольклорной и авторско-литературной формы баллад. Так, в «Сказании о старом мореходе» С. Т. Кольриджа вполне сопоставимая с фольклорным способом повествования последовательность событий представлена в уникальной авторской форме: расположение текста в два столбца —

прозаический рассказ (скорее краткий пересказ) и поэтическое повествование (нередко непонятное без прозаического столбца).

Точно также второе основание, воспринятое романтиками от народной культуры, — образ природы получает синтетическое разрешение у лейкистов. В народной культуре природа понималась как мир, не существовало пейзажа. В литературе (начиная со средневекового романа) очень постепенно природа превращалась из мира в фон для действия персонажей, возникал пейзаж. В XVIII веке происходит открытие природы (в том числе и под влиянием научных представлений, связанных с физикой Ньютона, с просветительской философией и наукой), природа перестает быть только пейзажем, фоном. У лейкистов соединяются понимание природы как мира и способ описания мира как пейзаж. Лейкисты понимают двоимирие несколько иначе, чем немецкие романтики. Для Ф. Шлегеля двоимирие — модель, демонстрирующая разрыв между идеалом и действительностью. Идеал прекрасен, но не воплотим. Действительность низка и безобразна, достойна уничтожения. Для лейкистов, которые в поисках национальной идентичности восприняли представление о природе из своего фольклора, природа не составляет часть действительности (в которую входит лишь мир, созданный человеком), она относится к идеальной области (к «миру божьему»), поэтому не только не обречена на уничтожение, но сама выступает как божье орудие. Таков сюжет «Сказания о старом мореходе»: высший суд связан с образами природы (альбатрос, море, ветер, штиль, палящее солнце). В балладе Р. Саути «Суд божий над епископом» справедливость восстанавливается тоже природными существами — мышами.

В центре писательского тезауруса лейкистов — стремление не идти по стопам старого искусства, а создать нечто совершенно новое, что понималось каждым по-своему.

Поэзию наиболее талантливого представителя «Озерной школы» — С. Т. Кольриджа — можно считать духовной, так как она объединяет музыкальные, словесные и живописные возможности передачи чувств, настроения, состояния души человека. При этом она одновременно и материальна в самом широком смысле этого слова, так как способствует пробуждению ощущений, эмоций, приводит в движение душу человека, вызывая реальные, действительные изменения и модификации в окружающем человека пространстве.

Отвергая рационализм классицистических поэтов, в своих произведениях другой представитель «озерников», У. Вордсворт,

утверждает превосходство воображения над просветительским разумом, доказывает, что фантазия и интуиция помогают неизмеримо глубже постигнуть суть вещей и характеров, чем это может сделать метафизическая наука, обобщающая сухие и разрозненные факты. Вместе с тем он сохраняет рациональное зерно сенсуалистической эстетики XVIII века, соглашаясь с просветителями в том, что Красота может родиться только на основе Добра и Истины.

Романтические стихотворения третьего поэта-лейкиста, Р. Саути, — это целый мир творческой фантазии, предчувствий, страхов, загадок, о которых лирический поэт говорит с тревогой. На основе произведений Р. Саути возникает романтическая поэзия мысли, легко переходившая, образно выражаясь, в критику чистого сердца, апофеоз постижения не только умом, но и сердцем сложных отношений человеческого сознания с объективной действительностью.

Но все три поэта сказали новое в искусстве не через проповедь фантазии, воображения, чувств (это свойственно всем романтикам разных стран), но прежде всего обратившись к национальным корням, к фольклору, соединив его модели с арсеналом искусства, разработанным выдающимися представителями мировой культуры.

Литература

- Вершинин, И. В. (2003) Предромантические тенденции в английской поэзии XVIII века и «поэтизация» культуры. Самара.
- Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М.
- Луков, Вл. А. (2006) Предромантизм. М.
- Соловьева, Н. А. (1988) У истоков английского романтизма. М.
- Шайтанов, И. О. (1989) Мыслящая муза: «Открытие природы» в поэзии XVIII в. М.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИНДУСТРИЯ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ (ВУЗОВСКИЙ СПЕЦКУРС)

Т. Ф. Кузнецова

(Московский педагогический государственный университет),

Вл. А. Луков

(Московский гуманитарный университет),

М. В. Луков

(Гуманитарный институт телевидения и радиовещания им.

М. А. Литовчина)

В докладе излагается материал для вузовского спецкурса по массовой культуре и литературе.

Ключевые слова: массовая культура, литературная индустрия, беллетристика.

Стало хорошей традицией делиться на заседаниях секции «Высшее образование и мировая культура» материалами спецкурсов, в таких докладах и сообщениях теоретические положения обретают конкретную реализацию, авторы не только рассказывают о своем видении образования в целом, в определенной области, в рамках какой-то дисциплины, но и показывают, как бы именно они построили тот или иной спецкурс, каким материалом насытили и т. д. Спецкурс, о котором мы хотели бы рассказать, разработан авторами пять лет назад для ГИТРа им. М. А. Литовчина, но его содержание, как представляется, сохраняет актуальность, и, как надеются авторы, обсуждение этого материала на конференции в рамках секции поможет им внести уточнения в разработку. Содержательную сторону спецкурса можно представить следующим образом.

В культуре Новейшего времени необычайно значительное место заняла литературная индустрия — создание массовой беллетристики, противостоящей традиции литературы «культурного запроса» как по проблематике, системе образов, художественным средствам, так и по способу создания текста: она перестает быть концептуально-авторской, в чем-то возвращаясь к традициям фольклора, но соединенным с современными технологиями производства печатной продукции. Чаще всего такая литература называется просто «массовой литературой», что требует определенных разъяснений и уточнений. Этот термин в литературоведении обычно понимается как многозначный, имеющий

несколько синонимов: популярная, тривиальная, бульварная, паралитература и др.; «традиционно этим термином обозначают: ценностный «низ» литературной иерархии — произведения, относимые к маргинальной сфере общепризнанной литературы, отвергаемые как китч, псевдолитература»³³.

Возникновение этого понятия — следствие развития теорий «массового общества», «массовой культуры»³⁴. Крах феодального общественного устройства, революционные движения народных масс еще в XVIII веке приводят предромантиков (Э. Берк) и некоторых романтиков (Ж. де Местр) к определению массы как «великого животного», «яростной толпы», а других романтиков (В. Скотт, В. Гюго) к представлению о народных массах как движущей силе истории, но силе темной, управляемой великими личностями. К. Маркс и Ф. Энгельс видели в народных массах созидательное начало. Напротив, французский социальный психолог Г. Лебон, создавший в книге «Психология народов и масс» (1895)³⁵ один из первых вариантов теории «массового общества», рассматривал массу как разрушительную силу, подавляющую индивидуальность человека («целый народ... иногда становится толпой»).

Линия Лебона была продолжена в известной работе Хосе Ортеги-и-Гассета «Восстание масс» (1930), где он писал: «Толпа, возникшая на авансцене общества, внезапно стала зримой. (...) Солистов больше нет — один хор». Далее испанский философ переводит обыденное понятие «толпа» на язык социологии: «Толпа — понятие количественное и визуальное. Переведем его, не искажая, на язык социологии. И получим «массу». (...) Масса — это «средний человек». (...) В сущности, чтобы ощутить массу, не требуется людских скопищ. По одному-единственному человеку можно определить, масса это или нет. Масса — всякий и каждый, кто ни в добре, ни в зле не мерит себя особой мерой, а ощущает таким же, «как все», и не только не удручен, но доволен собственной неотличимостью. (...) Как говорят американцы, отличаться неприлично. Масса сминает непохожее, недюжинное и лучшее. Кто не

³³ Мельников Н. Г. Массовая литература // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М., 2001. С. 514.

³⁴ Подробнее эти теории изложены в кн.: Жаринов Е. В. Историко-литературные корни массовой беллетристики. М.: ГИТР, 2004. Детальное исследование массовой культуры осуществлено А. В. Костиной. См.: Костина А. В. Массовая культура: теория и практика. М., 1999; Она же. Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М., 2003.

³⁵ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.

такой, как все, кто думает не так, как все, рискует стать изгоем. И ясно, что «все» — это отнюдь не «все». Мир обычно был неоднородным единством массы и независимых меньшинств. Сегодня весь мир стал массой»³⁶.

Немецкий философ Карл Ясперс в одной из основных своих работ «Истоки истории и ее цель» (1949) развил взгляды Лебона и Ортеги-и-Гассета на «массу»: «Массу следует отличать от народа.

Народ структурирован, осознает себя в своих жизненных устоях, в своем мышлении и традициях. Народ — это нечто субстанциальное и качественное, в его сообществе есть некая атмосфера, человек из народа обладает личными чертами характера также благодаря силе народа, которая служит ему основой.

Масса, напротив, не структурирована, не обладает самосознанием, однородна и количественна, она лишена каких-либо отличительных свойств, традиций, почвы — она пуста. Масса является объектом пропаганды и внушения, не ведает ответственности и живет на самом низком уровне сознания.

Массы возникают там, где люди лишены своего подлинного мира, корней и почвы, где они стали управляемыми и взаимозаменяемыми. Все это произошло теперь в результате технического развития и достигает все большей интенсивности в следующих своих признаках: сузившийся горизонт, жизнь со дня на день, без действенных воспоминаний, принудительный бессмысленный труд, развлечения, как заполнения досуга, жизнь как постоянная взвинченность, обманчивая видимость любви, верности, доверия; предательство, особенно в юности, а отсюда неизбежный цинизм — ведь тот, кто совершил предательство, теряет уважение к самому себе».

Далее следует важное положение, которое предшественники Ясперса не подчеркивали: «Отдельный человек олицетворяет собой одновременно народ и массу. Однако он совершенно по-разному ощущает себя в том и другом состоянии. Ситуация заставляет его быть массой, человек же прилагает все усилия, чтобы сохранить связь с народом.

Для наглядности укажем следующее: в качестве массы я стремлюсь к универсальному, к моде, к кино, к сегодняшнему дню; в качестве народа я хочу быть незаменимой личностью, мне нужен живой театр, нужно присутствие исторического; в качестве массы я в упоении

³⁶ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М., 1997. С. 45–46, 48.

аплодирую звезде у дирижерского пульта; в качестве народа — познаю в глубине интимных переживаний возносящуюся над обыденной жизнью музыку; в качестве массы я мыслю числами, аккумулирую, нивелирую; в качестве народа — применяю шкалу ценностей и членений».

Уже в этом высказывании проблема «массы» увязывается с проблемой «массовой культуры», к которой Ясперс весьма безоговорочно относит целый вид искусства — кино (противопоставляя ему театр), исполнительскую деятельность (дирижера — в противовес самой музыке). Далее он развивает свою мысль, не отходя от социологического (а не эстетического) плана: «Массу следует отличать от публики.

Публика составляет первую стадию на пути превращения народа в массу. Это эхо, отвечающее поэзии, живописи, литературе. Как только народ перестает жить полной жизнью, черпая силы в своем сообществе, возникает множество, составляющее публику, необъятное, подобно массе, но воплощающее в себе общественное мнение о духовных ценностях в их свободной конкуренции. Для кого пишет писатель, будучи свободным? Сегодня уже не для народа и еще не только для массы. Он домогается публичного признания, стремится обрести свою публику и действительно обретает ее, если ему везет. Народ хранит обладающие вечной ценностью книги, которые сопровождают его на протяжении всей его жизни; публика меняет свои оценки, она лишена характера. Но там, где есть публика, еще сохраняется живая гласность.

В наши дни превращение народа в публику и массу стало неизбежным. Ситуация насильственно движется ходом вещей посредством масс. Однако масса не есть нечто окончательное. Она являет собой форму существования в стадии распада человеческого бытия. Каждый отдельный человек остается в ней человеком. Вопрос заключается в том, в какой степени действительными окажутся коренящиеся в сфере индивидуально-интимного (часто пренебрежительно именуемом в наши дни «частным») импульсы, способные в конечном итоге привести к возрождению бытия человека из недр массового бытия»³⁷.

Взгляды Ортеги-и-Гассета, Ясперса и других влиятельных мыслителей легли в основу концепции «массовой культуры» и ее разновидности — «массовой литературы», доминировавшей вплоть до конца XX века. Ее характерная особенность — резко отрицательное

³⁷ Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории / 2-е изд. М., 1994. С. 142–144.

отношение к любым проявлениям «массовости». Утвердившееся в филологии под влиянием этой концепции отнесение «массовой литературы» к «низу» литературной иерархии, противопоставление ее «высокой» литературе для элиты общества, определение ее как «бульварная литература», «псевдолитература» носит отчетливо выраженный негативно-оценочный характер. Его основу составляет эстетический фактор: сопоставление художественных достижений «высокой» литературы и сомнительного эстетического уровня произведений «массовой литературы».

Постмодернистский взгляд на литературу очень точно выражается в теории интертекстуальности и в работе Р. Барта «Смерть автора» (1968). В этой статье он утверждал, что эпоха авторской литературы прошла, Малларме, Пруст, сюрреалисты изменили лицо литературы: «Удаление Автора (...) — это не просто исторический факт или эффект письма: им до основания преобразуется весь современный текст, или, что то же самое, ныне текст создается и читается таким образом, что автор на всех уровнях его устраняется». Отныне «текст сложен из множества разных видов письма, происходящих из различных культур и вступающих друг с другом в отношения диалога, пародии, спора, однако вся эта множественность фокусируется в определенной точке, которой является не автор, а читатель. Читатель — это то пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении, только предназначение это не личный адрес; читатель — это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь *некто*, сводящий воедино все штрихи, что образуют письменный текст». Статья завершается фразой: «Теперь мы знаем: чтобы обеспечить письму будущее, нужно опрокинуть миф о нем — рождение читателя приходится оплачивать смертью Автора»³⁸.

Нетрудно заметить, что постмодернисты приписывают всей литературе (Ю. Кристева) или, по крайней мере, всей литературе XX века (Р. Барт) свойства «массовой литературы»: вторичность и определяющую роль читателя.

В рамках социологии культуры понятие «массовая литература» перестает быть негативным концептом (как у последователей Ортеги-и-Гассета и Ясперса) или ассоциироваться с позитивной программой дальнейшего развития литературы (как у ряда постмодернистов) и

³⁸ Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 387, 390, 391.

приобретает характер объективно-научного термина. В социологической точки зрения, к «массовой литературе» должны быть отнесены все произведения, получившие массовое распространение, читаемые большими массами людей вне зависимости от художественных достоинств и особенностей произведений. Социология культуры исходит из признания того факта, что никакое художественное явление не может получить массового распространения, если оно не удовлетворяет определенным человеческим потребностям.

Социология культуры объясняет позднее развитие «массовой литературы» не только недавним появлением «массового общества», но и социологической спецификой литературы как вида искусства. В этом случае стирается грань между «высокой» и «низовой» литературой, в определенном отношении они оказываются в равных условиях.

В отличие от других видов искусства литература с момента своего возникновения неразрывно связана с образованием. Ведь под литературой понимается совокупность текстов, зафиксированных в письменной форме. Поэтому на протяжении тысячелетий литература была одним из наименее доступных для широких масс видов искусств. Только религиозные тексты, произносившиеся священниками в храмах, и драматургические тексты, озвучивавшиеся актерами на сцене, могли быть известными большинству населения. Так, в театре Диониса в древних Афинах количество мест позволяло собираться на спектакли практически всем жителям этого города. В представлениях средневековых мистерий в качестве актеров и зрителей также участвовали целые города. Но собственно читателей литературных произведений никогда, вплоть до последнего времени, не могло быть много.

В ряде случаев это связано со спецификой письма. Так, чтобы прочесть обычную китайскую газету, нужно знать около 5000 иероглифов. Но и европейцы, которым достаточно знать несколько десятков букв, оставались в своем большинстве неграмотными. Хотя древнейшая из известных науке школ по обучению письменности возникла в Шумере около 3500 г. до н. э., в античности прославились школы Пифагора, Платона, Аристотеля, до сих пор существует старейший университет Карауинский университет (г. Фес, Марокко), где преподавание началось в 859 г. н. э., вслед за которым через большие промежутки времени появились Болонский (1088), Оксфордский (1167), Кембриджский (1284) и другие университеты, никогда в прошлые века образовательные центры не насчитывали столько студентов, чтобы

сравниться с одним «Стейт Юниверсити» в Нью-Йорке, где обучается более 150 тысяч студентов. Впервые в истории обязательное образование было введено в Пруссии в 1819 г., т. е. меньше двух веков назад. В одной из главных мировых держав — Англии — образование стало обязательным лишь в 1870 г. В большинстве стран введение всеобщего образования относится к еще более позднему времени.

Не менее важный социологический фактор — возможность массового знакомства с тем или иным произведением искусства. Книгопечатанье, древнейший образец которого (Свиток Дхарани, или Сутра), найденный в фундаменте пагоды Полгук Са (Южная Корея), был отпечатан с деревянных досок не позже 704 г. н. э., в Европе возникло лишь в середине XV века («Библия Гутенберга», 1454). Целые столетия тиражи изданий были небольшими. Только в XX веке стало возможно издавать произведения миллионными тиражами, сложилась мощная издательская индустрия.

Между тем, живопись, танец, музыка, пение, театр, архитектура, устное народное словесное творчество были доступны для массового восприятия с момента своего возникновения в первобытном обществе, т. е. не меньше 40 тысяч лет. Эзотерические формы (для посвященных, для избранных) в этих искусствах возникали после тысячелетий развития в общедоступной форме.

Социологическое исследование явления «массовости», дополненное эстетическим критерием, позволяет выделить три ветви литературы, ставшей доступной массам: во-первых, это классика мировой литературы, во-вторых, «высокая мода» — значительные произведения современной читателю литературы, получившие широкое признание (в том числе благодаря рекламе, СМИ, престижным премиям, даже шумным скандалам и т. д.); в-третьих, особая разновидность литературного чтения, называемая «массовой литературой» в узком смысле слова.

Исследователь немецкого романтизма А. В. Михайлов использовал для этой последней разновидности термин «массовая беллетристика». Определяя специфику такой литературы, он отмечал, что для нее характерна «самотождественность текстов-процессов — именно того качества, которое сам процесс чтения обращает в нечто безусловно занимательное и доставляющее большое удовольствие, а результат чтения — в нечто бесплотно эфемерное». Такое чтение отвечает на потребность в вере и поэтому основано на «полнейшем и

некритическом доверии читателя к тексту»³⁹. Тем самым исследователь подчеркнул в массовой беллетристике установку на читателя (а не на действительность, эстетический идеал или авторское самовыражение), что действительно отделяет третью ветвь «массовой литературы» от первых двух. А. В. Михайлов указал и на ту форму, в которой проявляется установка на читателя — «занимательность».

Е. В. Жаринов в монографии «Историко-литературные корни массовой беллетристики»⁴⁰ также избрал для рассматриваемой разновидности литературной продукции термин «массовая беллетристика», что, на наш взгляд, очень удачно, так как, с одной стороны, снимает заведомо негативную оценку этого типа текстов, а с другой — разумно отделяет такие тексты от литературы в привычном смысле слова. Он убедительно показывает, что «массовизация» культуры — объективный процесс ее современного состояния, даже относит этот процесс к феноменам ноосферы. Термин «ноосфера» был введен в первой трети XX века французами Э. Леруа и П. Тейяром де Шарденом⁴¹ для обозначения сферы Земли, следующей в эволюционном ряду за биосферой (Э. Леруа), идеальной оболочкой планеты, ее «мыслящего пласта» (П. Тейяр де Шарден). Но Е. В. Жаринову ближе значение этого понятия, предложенное В. И. Вернадским в рамках его учения о биосфере (ноосфера предстала как новое состояние биосферы, связанное с возникновением и развитием человеческого общества, которое способно не стихийно, а разумно воздействовать на природу, и в перспективе расширяющаяся ноосфера станет не только явлением, по силе сопоставимым с геологическими процессами, но и особым структурным элементом космоса⁴²).

Конечно, в этом случае массовую беллетристику, ставшую одним из феноменов ноосферы, нельзя продолжать игнорировать, напротив, ее следует пристально изучать. Это одним из первых в нашей науке в систематической форме начал осуществлять Е. В. Жаринов. И, что совершенно естественно для научного подхода, он прежде всего обратился к фундаментальным вопросам исследования огромного массива текстов — к историко-литературным корням беллетристики. Он

³⁹ Михайлов А. В. О Людвиге Тике, авторе «Странствий Франца Штернбальда // Тик Л. Странствия Франца Штернбальда. М., 1987. С. 282–283.

⁴⁰ См.: Жаринов Е. В. Указ. соч.

⁴¹ См., напр.: Тейяр де Шарден П. Феномен человека / Пер. с франц.; 2-е изд. М., 1987.

⁴² См.: Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Успехи современной биологии. 1944. Т. 18, в. 2.

показывает, что огромную роль в формировании этого феномена сыграли предромантизм и особенно романтизм. В концепции ученого важное место заняло выявление связи массовой беллетристики с идеологией протестантизма, что подтверждается весьма вескими аргументами и может восприниматься как один из ключей к большому количеству текстов и целых жанров этой разновидности литературной продукции. Только выявив историко-литературные корни массовой беллетристики, что осуществлено в монографии Е. В. Жаринова в достаточно полном объеме, можно продолжить исследование этого культурного феномена как он представлен на современном этапе.

Употребляемый им, а также рядом других ученых, термин «массовая беллетристика» удобно использовать для замены выражения «массовая литература в узком смысле слова», что и сделано в дальнейшем изложении материала. Под «массовой литературой» дальше будет пониматься вся совокупность ветвей литературы, получившей широкое распространение, то есть за ним сохранится социологическое значение.

Из специфического положения литературы среди других видов искусств вытекает несколько следствий:

(1) при любой трактовке понятия «массовая литература» это новое явление мировой культуры, ставшее реальностью только в обществе, в основном решившем проблему всеобщего образования и обеспечившем развитие индустрии книгопечатанья;

(2) у массовой беллетристики не могло быть достаточно оформившегося прообраза собственной эстетики и поэтики (в отличие от живописи, музыки и т. д.), и эстетическая природа массовой беллетристики формировалась на основе переосмысления отдельных элементов литературной эстетики и поэтики в свете образцов развития массовых форм других искусств и фольклора;

(3) на основе этой эстетики и лежащей в ее основе «философии» авторами массовой беллетристики была построена определенная «картина мира» (а не наоборот, как было в истории литературы), которая поэтому выступает как своего рода игра с читателем по определенным условным правилам.

Следует избавиться от иллюзии, что «массовая литература» существовала всегда. Специфическая для массовой беллетристики развлекательная функция не присуща литературе при ее возникновении и на ранних этапах существования. Античная формула «развлекая, поучать» относится не к литературе, а к театру и лишь

впоследствии стала существенной для литературы. Не была специфичной для этого вида искусства и задача доступности.

Диалоги Платона, казалось бы, построены так, чтобы придать глубоким и сложным мыслям Сократа доступную для массового читателя форму. Но это не так: диалогичность, связь с драматической формой — неотъемлемая часть платоновского метода философствования. Точно так же «Метаморфозы» Апулея, где за экзотерической формой фривольного рассказа обнаруживается религиозная эзотерика, очевидно, не были рассчитаны на то, чтобы развлечь профанов, дав посвященным пищу для углубления в тайное знание и для религиозных медитаций. Шире: восприятие древних мифов и мифологических сюжетов литературы как доступной формы представлений о мире — это модернизация культуры и сознания людей далекого прошлого. Во всех приведенных примерах разделение произведения на пласты, один из которых делает доступным (или, наоборот, скрывает) другой, истинный, недостаточно обосновано. И для средневековой культуры это разделение еще не характерно. Только произведения гуманистов, а затем просветителей — «Декамерон» Боккаччо, «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, «Приключения Робинзона Крузо» Дефо, «Путешествия Гулливера» Свифта, «Кандид» Вольтера — могут быть истолкованы исходя из стремления найти доступную для широкого читателя форму изложения гуманистических, просветительских идей (а иногда и сокрытия их, как в финале «Похвалы Глупости», где речь идет о Божестве). Однако и в этом случае понятие «широкий читатель» значительно отличается от его смыслового наполнения сегодня.

Самым популярным произведением эпохи Возрождения признается «Декамерон» Боккаччо (1348–1353). Современный читатель, как правило, объяснил бы этот факт большим количеством фривольных сцен. Но следует учитывать, что это не способ развлечь читателя: Боккаччо так воплотил важнейшую гуманистическую концепцию реабилитации плоти, противопоставленную идущей от Августина Блаженного средневековой концепции аскетизма.

Социологическое понимание термина «массовая литература» как произведений, читаемых большими группами людей, когда показателями являются число читателей и тираж изданий, заставляет обратиться к проблеме классики мировой литературы.

В истории культуры сформировалось два подхода к решению этой проблемы. Первый основан на поиске объективных характеристик

классики. Ориентиром здесь становилось точное воплощение некоего канона или следование эталонным образцам. Так, античный философ-неоплатоник Ямвлих (III–IV вв.), анализируя «Дорифора» Поликлета, отмечал, что красота тела заключается в «симметрии частей». Понятия «гармония», «симметрия», «национальные (общечеловеческие) ценности», «идеал» и др. в совокупности обрисовывали при этом подходе представление о классическом произведении. С точки зрения классицистов, идеал универсален и был воплощен в гармоничных произведениях античности, которым и следует подражать, чтобы создать новые классические произведения. Искусство средних веков, трагедии Шекспира, памятники литературы Востока, с этой точки зрения, — просто варварство, незнание объективных, всеобщих законов классического искусства.

Другой подход связан с субъективным пониманием классики. Так, Стендаль в трактате «Расин и Шекспир» (1823–1825) утверждал, что классическое («классицизм») — это то, что доставляло «наибольшее наслаждение... прадедам»⁴³, это дань традиции, привычке, причем дурной: «Но вот что самое худшее: утверждать, что эти дурные привычки заложены в природе, для нас — вопрос тщеславия»⁴⁴.

Современный тезаурусный подход (тезаурус — вся совокупность знаний, представлений, ценностей, оценок субъекта, структурированная по основанию «свое — чужое») отмечает, что классика (1) соответствует центру тезауруса (наиболее «освоена» субъектом), (2) соответствует константам (наиболее устойчивым концептам), (3) поэтому обладает наибольшей силой структурирования (подобно идеалу) и ориентирования (подобно архетипу). Социологический подход добавляет еще один параметр классики применительно к литературе последних двух столетий: масштабность влияния на духовный мир больших масс людей. Классика, созданная до последних десятилетий XVIII века, как правило, приобрела этот параметр позже, когда она получила статус «массовой литературы» в социологическом смысле. Возникновение такой «массовой литературы» справедливо связывать с предромантизмом и романтизмом. Х. Ортега-и-Гассет в этапной работе «Дегуманизация искусства» (1925) писал: «Романтизму весьма скоро удалось завоевать «народ», никогда не воспринимавший старое классическое искусство как свое. Враг, с которым романтизму пришлось сражаться, представлял собой как раз избранное меньшинство,

⁴³ Стендаль. Расин и Шекспир // Стендаль. Собр. соч.: В 15 т. М., 1959. Т. 7. С. 26.

⁴⁴ Там же. С. 17.

закосневшее в архаических «старорежимных» формах поэзии. С тех пор как изобрели книгопечатание, романтические произведения стали первыми, получившими большие тиражи»⁴⁵.

Однако романтическое искусство — предельно авторское, в нем, как никогда прежде, было реализовано стремление писателя к самовыражению. Поэтому если и относить романтические произведения к «массовой литературе», то лишь в социологическом смысле, т. е. без включения ее в массовую беллетристику.

В XX веке классические произведения литературы входят в программу обязательного образования населения. Уже одно это обеспечивает массовые тиражи и широкое знакомство читательской аудитории даже с трудными, не «развлекательными» текстами. Так, в 1978–1985 гг. издательство «Художественная литература» издало 22-томное собрание сочинений Л. Н. Толстого тиражом 1 млн. экземпляров⁴⁶, при этом подписаться на него было необычайно трудно — так велик был спрос на это издание.

Новое явление в литературном процессе последних двух столетий (особенно XX века) — влияние феномена моды на восприятие литературы. мода складывается в сфере одежды и интерьера во второй половине XVIII века. Уже в XIX веке можно говорить и о модной музыке, живописи, литературе. мода — явление социологическое, здесь действуют не столько эстетические, сколько внеэстетические факторы. В частности, огромную роль играет реклама. В сфере модной одежды выделились две разновидности — «haute couture» и «prêt-à-porter». «От кутюр» — «высокая мода», создаваемая в домах моделей, она не предназначена для повседневности и нередко вообще не предназначена для ношения за пределами подиума. Это авторское творчество. Каждая вещь индивидуальна, существует в единственном экземпляре, стоит больших денег. Ценность «от кутюр» — в экспериментальной разработке новых идей, творческих решений. Если эти идеи получили признание как специалистов, так и широкой публики (через показы коллекций на подиуме, в модных журналах и по телевидению), они становятся основой для «прет-а-порте» — «годного для носки», готового платья, тиражируемого индустрией пошива.

По аналогии можно говорить о «высокой моде» в литературе XX века. Так, экспериментальный роман Джеймса Джойса «Улисс»,

⁴⁵ Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 220.

⁴⁶ Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1978–1985.

огромным по объему, нарочито усложненный по технике письма, открыто порывавший с классической традицией, лишенный всякой занимательности, доступный для чтения только высокообразованной элите и то лишь с сопутствующими комментариями литературоведов (развернутый «ключ» к роману занимает 4 тома), никак не мог бы стать произведением «массовой литературы». Но признание его «евангелием модернизма», скандал вокруг его запрещения в Англии в 1922 г., резко критические работы о нем в СССР при отсутствии полного перевода приводят массового отечественного читателя в состояние напряженного ожидания, и когда в 1989 г. полный перевод романа в течение года публиковался в журнале «Иностранная литература» тиражом около полумиллиона экземпляров, за каждым номером выстраивались очереди, роман прочли несколько миллионов (возможно, даже десятков миллионов) россиян. В Англии издательство «Пингвин Букс» издало модернистский роман Дэвида Герберта Лоуренса «Любовник леди Чаттерли», долгое время запрещенный, рекордным разовым тиражом в 3 млн. экземпляров. К литературе «высокой моды» можно отнести роман М. Пруста «В поисках утраченного времени», «Игру в бисер» Г. Гессе, «Сто лет одиночества» Г. Гарсиа Маркеса, «Волхв» Дж. Фаулза, произведения В. В. Набокова, Х. Кортасара, Х. Л. Борхеса, из относительно недавних произведений — «Имя розы» У. Эко, «Парфюмера» П. Зюскинда и целый ряд других.

Произведения «высокой моды» обычно впоследствии переходят в разряд «классики», когда их необычная, рвущая с традициями манера «осваивается» большим количеством читателей и начинает восприниматься как еще одна традиция.

«Славу и ответственность за выход широких масс на историческое поприще несет XIX век»⁴⁷, — писал Ортега-и-Гассет. Буржуазные революции изменили общество. Миром отныне правят деньги, что раскрыто современниками и в науке, и в искусстве («Капитал» К. Маркса, «Человеческая комедия» О. Бальзака). Меняется положение писателей. Лозунг Гизо «Обогащайтесь!» касается и их, так как многие из них живут только доходами от литературного труда. Массовая беллетристика не имеет никакой литературной программы, ее авторы озабочены только зарабатыванием денег и изучают образцы литературы, хорошо продающейся, — отсюда изначальная вторичность этого вида литературы, выдвижение на первое место коммерческого принципа.

⁴⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 69.

Оноре Бальзак (1799–1850), в духе времени, заключил с родителями договор, согласно которому он материально обеспечивался ими в течение двух лет, за которые должен был доказать, что может зарабатывать литературным трудом, а в случае неудачи бросить писать и заняться адвокатской деятельностью. План стать великим писателем, прославившись юношеской трагедией «Кромвель» (1819–1820), написанной в духе позднего классицизма, провалился. Тогда Бальзак, забыв об амбициях, обращается к «низовой» литературе, видя вокруг себя примеры быстрого обогащения создателей «бульварных романов». Он становится помощником уже достаточно опытного писателя А. Вьелергле в создании низкопробных романов «Два Гектора, ли Две бретонские семьи» и «Шарль Пуантель, или Незаконнорожденный кузен» (оба романа опубликованы в 1821 г. без указания на сотрудничество Бальзака). Бальзаковский псевдоним «лорд Р'оон» появляется рядом с именем А. Вьелергле в романе «Бирагская наследница» (1822). Действие романа разворачивается в XVII веке, в нем выведен ряд исторических персонажей, в частности, кардинал Ришелье, который помогает героям романа и выступает как положительный персонаж. В произведении широко используются модные предромантические штампы. Так, использован прием мистификации: рукопись якобы принадлежит дону Раго, бывшему настоятелю монастыря бенедиктинцев, Вьелергле и лорд Р'оон — племянники автора, решившие обнародовать найденную рукопись. В 1822 г. Бальзак выпускает первый самостоятельный роман «Клотильда де Лузиньян, или Красавец-еврей», где снова использует мистификацию (лорд Р'оон публикует рукопись, найденную в архивах Прованса), затем до 1825 г. следуют романы, выпускаемые Орасом де Сент-Обеном (новый псевдоним Бальзака): «Арденнский викарий», «Вековик, или Два Берингельда», «Аннета и преступник», «Последняя фея, или Ночная волшебная лампа», «Ванн-Клор». Они демонстрируют приверженность молодого Бальзака к монастырским тайнам, разбойничьим, пиратским приключениям, сверхчувственным явлениям и другим предромантическим и романтическим стереотипам, получившим широкое распространение в «низовой» литературе 1820-х годов.

Бальзак писал до 60 страниц текста ежедневно. Однако он не заблуждался относительно невысокого качества своих произведений этого периода. После выхода «Бирагской наследницы» он с гордостью сообщал в письме к сестре о том, что роман впервые принес ему

литературный заработок, но просил сестру ни в коем случае не читать это «настоящее литературное свинство».

Массовая беллетристика не имела таких исторических корней, как другие виды искусств, столетиями вырабатывавшие формы воздействия на массы. Поэтому важным источником для нее стали художественные решения, приводившие к безусловному успеху в других искусствах, прежде всего — в театре.

Здесь большую роль сыграла мелодрама, которая сложилась как жанр в конце XVIII века. Ее формальная особенность — соединение драматического текста с музыкой, его сопровождающей и как бы дублирующей в эмоциональном отношении. Мелодрама не допускалась на привилегированные сцены, где царили трагедия и комедия классицизма, но на сценах непривилегированных театров она пользовалась огромной популярностью у самой широкой публики и приносила немалые доходы.

В мелодраме обычно действует «квартет» персонажей, определяемых одной чертой. Первая маска — юный герой или героиня, отличающиеся добродетельностью, честностью, добротой. Этот персонаж всегда страдает, преследуемый роковыми несчастьями. Вторая маска — тиран и негодяй, в котором персонифицируется злое начало. Третья маска (защитник незаслуженно страдающей героини или героя) и четвертая маска (комический слуга) завершают систему основных мелодраматических персонажей. Одномерность мелодраматических персонажей лишь внешне схожа с классицистическим принципом типизации. В предромантической мелодраме происходит весьма важный процесс: на смену классицистическому единству характера приходит единство функции персонажа в сюжете.

Генетически связанный с трагическим классицистическим конфликтом, конфликт в мелодраме уже не строится на противопоставлении долга и чувства, в его основе — столкновение добродетели и порока как отражение борьбы мирового Добра с мировым Злом. Персонификация Зла не приводит к его ликвидации.

В мелодраме использовался целый комплекс средств для усиления эмоционального воздействия на зрителя. При всей значимости музыки, декораций главное из них заключалось в эффекте идентификации зрителей со страдающим героем.

Всем этим арсеналом художественных средств и воспользовалась массовая беллетристика.

По существу, уникальной особенностью массовой беллетристики стало рождение «картины мира», представляемой читателю, из технологии производства текстов, в то время как изначально художественные средства в литературе, напротив, определялись развиваемой писателем концепцией мира, человека и искусства.

Создание массовой беллетристики — это самая настоящая индустрия литературного труда наподобие фабричного производства. Помимо основного автора нередко существовала целая группа «литературных негров», между которыми производилось разделение функций (по частям произведения, сюжетным линиям, персонажам, подбору исторических фактов и т. д.) и имена которых тщательно скрывались. Уже в первые десятилетия XIX века были изобретены специальные формы презентации произведений, дававшие наибольшую коммерческую выгоду. Так, 28 января 1800 г. во французской газете «Journal des Débats» впервые появился вложенный дополнительный листок (фр. *feuilleton*), где печатались объявления, известия, шарады, рецензии, обзоры моды и прочая смесь. Позже, с увеличением формата газет, возникшей рубрике был отведен «подвал» газетных страниц, но название «фельетон» закрепилось за новым художественно-публицистическим жанром, у которого появились уже свои мэтры (Ж. Жанен и др.).

А в 1840 г. впервые появилось новое понятие — «роман-фельетон», когда в «подвалах» стали публиковать маленькими частями романы, что резко подняло тираж газет и, с другой стороны, необычайно расширило читательскую аудиторию романистов и их гонорары. В жанре романа-фельетона написаны «Парижские тайны» Э. Сю, «Блеск и нищета куртизанок» О. Бальзака, к нему обращался Ч. Диккенс. Но большинство этих романов нужно отнести к массовой беллетристике. Сама форма презентации произведений требовала напряженной интриги (непредсказуемого действия), особой композиции (короткие, примерно одного размера главы, достаточно законченные, но в конце содержащие некую «зацепку», неожиданный поворот, заставляющий читателя ждать продолжения), запоминающихся героев, обрисованных по неизбежности довольно схематично, ориентации на вкусы массового читателя, выписывающего или покупающего газеты, и даже на условия их чтения. На этой почве могла формироваться особая «картина мира», отвечающая этим, по существу, технологическим требованиям.

Французский писатель Александр Дюма-отец (1802–1870) вступил в литературу как один из самых активных романтиков. Премьера его

драмы «Генрих III и его двор» (1829) на сцене театра Комеди Франсез почти на год опередила прорыв на эту сцену драмы Гюго «Эрнани», премьера которой, хотя и сопряженная со скандалом и самыми настоящими боями среди зрителей, определила начало триумфального шествия романтической драмы по сценам Европы. Но Дюма отошел от новаторства романтиков и бросил все свои силы на создание «фабрики романов» со всей технологией массовой беллетристики. Огромное количество романов (прижизненное собрание сочинений Дюма занимает 301 том, сам же он в письме 1864 г. к Наполеону III насчитал примерно 1200 томов) создано им в соавторстве с целым штатом «литературных негров» (Поль Мерис, Поль Лакруа, Мальфиль и др.). На процессе 1847 г. было доказано, что за один год Дюма опубликовал под своим именем больше, чем самый проворный переписчик мог бы переписать за год, если бы работал без перерыва днем и ночью. «Фабрика» давала писателю невиданные доходы — до 200 тысяч франков золотом в год (хотя из-за расточительности и щедрости, которой многие воспользовались, Дюма в конце жизни пришел почти к нищете и вынужден был воспользоваться поддержкой сына, тоже ставшего известным писателем).

Даже знаменитые «Три мушкетера» (1844) написаны в соавторстве с Огюстом Маке (он же был соавтором его продолжения — «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон», а также «Графа Монте-Кристо» и др.). Форма романа-фельетона, которую избрал Дюма для его публикации, определила иную, не романтическую «картину мира», рисуемую автором. Если раньше его интересовала какая-либо историческая эпоха, то теперь во всех эпохах его привлекает сохраняющая свою идентичность яркая личность. Герои «Трех мушкетеров» в последующих романах трилогии попадают в совершенно иную историческую эпоху. Исторические обстоятельства изменяются, но герои остаются неизменными. Хотя герой Дюма — д'Артаньян от романа к роману трилогии поднимается по общественной лестнице и умирает в чине маршала, Дюма подчеркивает всю суетность стремления к титулам и славе. Он исповедует культ мгновения жизни. Герои, лишённые прошлого и будущего, живут только здесь и сейчас, мгновение, предельно насыщаясь, становится высшей ценностью. Культ мгновения выражается в особой художественной логике момента, при этом все причинно-следственные связи как бы затушевываются: мир наполняется тайнами, заговорами, неожиданными узнаваниями. Но это именно логика момента, а не торжество случайности. Эстетика

мгновения утверждает особый способ бытия человека в мире — жизнь в постоянном напряжении сил, в ощущении полноты и ценности каждого момента своего существования. Этот жизненный оптимизм, праздничность чувств, избыток сил и энергии героев Дюма неизбежно заражают читателей его романов о мушкетерах.

История в романах намечена лишь самыми общими чертами. Общая концепция мироздания вообще не волнует автора. Персонажи, воплощая функцию активности, утрачивают реальные черты французов. Интересно, что в России во многом благодаря популярности «Трех мушкетеров» сложился искаженный образ французов. Если сами французы своими главными ориентирами считают классиков XVII века (Корнель, Расин) и формируются как личности под продолжающимся влиянием декартовской модели, воспитывая в себе рационализм, то Дюма, обращаясь к тому же XVII веку, подчеркивает во французах, ассоциирующихся у читателя с д'Артаньяном и тремя мушкетерами, любвеобильность, галантность, вспыльчивость, отсутствие меркантильности и — шире — рационализма, расчета, легкомысленность и оптимизм. Отсюда проблемы, которые возникают у русских, когда они знакомятся с реальными французами и разочаровываются, не находя в них любимых черт д'Артаньяна.

Завершив публикацию «Трех мушкетеров», Дюма уже в следующем году начинает издавать в форме романа-фельетона новый шедевр — «Граф Монте-Кристо» (1845–1846, в соавторстве с Маке). Сюжет имеет источник в реальности: молодой сапожник Франсуа Пико мстил своим врагам, убивая их, но в конце сам погиб от руки мстителя. Но эта история, попав в жернова технологии массовой беллетристики, полностью преобразуется. Начало романа построено по модели мелодрамы (Эдмон Дантес — страдающий герой, не знающий, почему на него обрушиваются удары рока). Но с момента, когда Дантес стал графом Монте-Кристо и начинает мстить своим обидчикам, схема меняется. Соединив романтический миф о благородном разбойнике, сказочные мотивы с непобедимостью героев рыцарских романов, Дюма одним из первых создает сюжет о супермене, который впоследствии станет основой множества произведений массовой беллетристики. В отличие от реального случая, послужившего источником замысла, Дюма награждает героя несметными богатствами. В результате могла возникнуть история о власти денег в современном мире. Но писатель уводит читателя от такого истолкования современной жизни, сосредоточив все внимание на каждом конкретном эпизоде мести. Собственно, мотив

мести тоже трансформируется: Монте-Кристо не разоблачает совершенную с ним несправедливость, а делает так, что его враги теряют положение, богатство, жизнь из-за других своих преступлений. Он выбирает роль всесильного рока. В «картине мира» трилогии о мушкетерах герои совершали чудеса героизма, но никак не меняли истории: герцог Бэкингем все равно был убит, королю Карлу I отрубили голову и т. д. В «Графе Монте-Кристо» герои разделились на сильных и слабых. Слабые — это преступники, причем выведен закон: совершив одно преступление, человек неизбежно совершит и другие. Но зато сильный человек может противостоять любым обстоятельствам, он сильнее рока и истории, он сам — рок, сам делает историю. Так изменение технологической схемы романа приводит к тому, что Дюма выстраивает новую «картину мира», достаточно далекую от реальности и даже от задачи пролить свет на истинное положение вещей. Эта картина фрагментарна, касается лишь аспектов, функционально необходимых для развития сюжета. Массовая беллетристика XIX века в целом ощупью ищет свою «картину мира», которая обретет свою определенность позже, в XX веке.

Массовая беллетристика, составляющая в XX веке основной объем литературной продукции, развивается в рамках системы специфических для нее жанров: детектив, шпионский роман, фэнтези, приключения, триллер, женский роман и др. При этом жанровые границы становятся жесткими, жанровые модификации дробными: не роман, а «женский роман», «полицейский роман» и т. д. Массовая беллетристика имеет особые формы функционирования: бестселлер (наиболее продаваемая литература), дайджест («выжимка», краткое изложение произведения, в том числе и классики), комикс (перевод текста в серию картинок), покет-бук (карманное издание, которое удобно читать в транспорте) и др. Здесь коммерческий принцип проявляется в наиболее откровенной форме. Характерная черта литературы «массового спроса» — связь со средствами массовой информации и компьютеризацией общества, с рекламой.

Парадокс оценки массовой беллетристики заключается в следующем. Массовая беллетристика в своей совокупности оценивается литературоведами, культурологами, шире — общественным мнением крайне низко. Обычно при этом от нее отделяется своего рода классика (А. Дюма, А. Конан-Дойл, А. Кристи, Ж. Сименон, М. Митчелл, Дж. Р. Р. Толкиен и др.), и тогда оставшаяся часть оценивается еще ниже. Сами авторы обычно невысоко ценят свое слово, превращая

работу над произведениями в подобие комбината, нередко скрывая свое имя за различными псевдонимами. Так, в США синдикат Ника Картера (Дж. Р. Кориелл, Т. К. Харбоу, Ф. В. Р. Дей) с 1889 по 1915 г. выпустил в свет более 1260 историй отдельными выпусками. Кэтлин Линдсей (1903–1973) из Южной Африки опубликовала 904 романа под фамилиями двух своих мужей и восемью псевдонимами. Бабоорао Алнаркар (р. 1907) из Индии опубликовал свыше 1000 детективных романов. Английский новеллист Джон Кризи (1908–1973) опубликовал 564 книги под своим именем и 25 псевдонимами.

В то же время эту литературу читают миллионы людей, она пользуется самым высоким спросом. 88 произведений Агаты Кристи (1890–1976) еще при ее жизни и за последующее десятилетие были переведены на 103 языка и проданы тиражом в полмиллиарда экземпляров. Вплотную приближаются к ней Барбара Картленд (автор 450 произведений), Эрл Стенли Гарднер и некоторые другие авторы. Читатели становятся настоящими «фанатами» этой литературы. На Бейкер-стрит, в дом, куда Конан Дойл поселил Шерлока Холмса, до сих пор со всего света идут письма, даже с просьбой о проведении частного расследования. В 1975 г. Колорадский университет присвоил Шерлоку Холмсу звание почетного доктора. Жюлю Мегрэ, герою детективных романов Ж. Сименона, в 1966 г. поставлен памятник в Делфзее (Нидерланды). Получили массовое распространения организации толкинистов. Невероятных масштабов достигло увлечение детской аудитории Гарри Поттером (первый роман — «Гарри Поттер и философский камень» — вышел в 1997 г.). Автор романов об одиннадцатилетнем мальчике-волшебнике скромная английская учительница Джоан Кэтлин Ролинг (р. 1965) в настоящее время — одна из богатейших женщин Земли (ее гонорары еще до выхода пятой книги о Гарри Поттере превысили полмиллиарда долларов).

Среди поклонников детективов можно назвать множество представителей политической и интеллектуальной элиты мира. Это президенты США А. Линкольн, Т. Вильсон, Ф. Рузвельт, английская королева Елизавета II (которая возвела Агату Кристи в рыцарское достоинство, читает все романы Дика Френсиса). Это такие интеллектуалы, как лауреаты Нобелевской премии английский поэт Т. С. Элиот, ирландский поэт У. Б. Йитс, французский писатель А. Жид. По свидетельствам близких, крупнейший немецкий драматург Бертольт Брехт в последние месяцы жизни, борясь с сильными болями, прочитал гору детективов. И это не единичные факты. Неожиданные данные

опубликовал американский Институт Гэллага в 1986 г.: в США 60% мужчин и 64% женщин регулярно читают детективную литературу, а среди людей с высшим образованием (а ведь именно эта аудитория определяет негативную оценку массовой беллетристики) число любителей жанра процент значительно выше — 74%.

Отмеченный парадокс научно разрешим только в рамках культурологического осмысления массовой беллетристики. До сих пор она рассматривается как часть литературы, которая, в свою очередь, определяется как часть духовной и художественной культуры человечества. Предъявляя массовой беллетристике требования «духовности» и «художественности», мы неизбежно придем к низкой оценке этого рода литературной продукции. Между тем, массовую беллетристику следует рассматривать как часть современной обыденной культуры (применительно к западной цивилизации примерно совпадающей с тем, что принято называть «массовой культурой», но без вкладываемого в это понятие негативного или апологетического оттенка) и искать в ней воплощение черт именно этой культуры. Дифференцируя культурологические понятия, следует отметить, что если сферой обыденной культуры является быт и постоянная профессиональная деятельность, отражение реального мира в обыденном сознании, то «массовая культура» касается более широких сфер, выходящих за рамки, очерченные обыденной культурой, но воспринимаемых через стереотипы массового сознания. Но это, тем не менее, родственные сферы культурной жизнедеятельности человека.

Массовая культура, как и обыденная культура, выросла из народной культуры и, вероятно, связана с этими корнями наиболее основательно. Она также в своей установке общедоступна и общепонятна. Правда, есть и принципиальное отличие: она, в отличие от народной культуры, (1) имеет тенденцию к космополитичности и (2) сосредоточена на обслуживании нижних ступеней «пирамиды тезауруса», а не всех ее ступеней, как народная культура.

Если самая нижняя ступень (выживание) касается всех (и домохозяйки, и академика), всегда и в первую очередь, как и вторая (в которую следует включить и вопросы обеспеченности семьи, т. е. имущество и деньги), то самая верхняя ступень (вера, сверхсознание) носит первоочередной характер для очень немногих.

Обыденная культура сосредоточена на трех нижних ступенях тезауруса, немного затрагивает четвертую и лишь в самой незначительной степени верхние три ступени. При этом если

гуманитарная, художественная культура устремлена на постижение всей сложности бытия, то массовая культура, касаясь даже самых сложных проблем (диалектики чувств, способов высказывания, постижения законов Вселенной, веры) идет по пути упрощения (сведения к мифам, привычным стереотипам, готовым формулам), так как решает вопросы не познания, а повседневной ориентации в действительности. Это ни «хорошо», ни «плохо», а составляет специфику массовой культуры, ее функцию в системе культур.

Являясь частью массовой культуры, массовая беллетристика выполняет в ней функцию, сопоставимую с функцией фольклора (устного народного творчества) в народной культуре. Как и в фольклоре, в ней затушено авторское начало, произведение подчинено требованиям жанра, на уровне содержания решающую роль играют мифы, на уровне формы — импровизация по готовым клише («формульность»).

На первом месте по значимости и популярности стоит детективный жанр. Повествуя, как правило, об убийстве и его расследовании, он касается общезначимой для всех людей нижней ступени «пирамиды тезауруса», касающейся жизни и смерти, страха, выживания. К детективу в этом отношении примыкают хоррор (литература ужасов), шпионский роман и т. д.

Огромное место в массовой беллетристике занимает эротический роман и — шире — эротическая проблематика вообще. Не менее значима тема семьи, детей (законных и незаконных, брошенных, найденных). Она сплетается с темой богатства, денег, наследства. Все это находит живейший отклик у читателей, так как связано с практически столь же общезначимой, как первая, второй ступенью «пирамиды тезауруса».

Тема успеха, продвижения к власти, признанию соответствует третьей ступени «пирамиды тезауруса». Самое страшное слово для героев — «неудачник».

Своего рода вершиной в этом движении вверх оказывается женский «любовный роман», сосредоточенный на проблемах четвертой ступени (сферы чувств), однако сохраняющий общее для обыденной культуры стремление к стереотипам и, кроме того, постоянно соскальзывающий к нижним ступеням (власть, деньги, секс, страх, смерть).

Названные темы составляют материал и классической литературы. Но ее функции иные, и поэтому одно и то же событие (например,

убийство) будет по-разному представлено. Так, многие считают, что «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского — это своего рода детектив. Но Достоевского интересует не убийство, а нравственное самонаказание Раскольникова. С этой точки зрения, нельзя отнести к массовой беллетристике и «Убийство на улице Морг» Э. А. По, новеллу, которая считается первым образцом детективной литературы. В основе этого произведения — тайна, но не убийства, а сверхспособностей Огюста Дюпона, его раскрывшего. Точно также на грани между литературой и массовой беллетристикой стоят произведения Конан Дойла о Шерлоке Холмсе и Честертона о патере Брауне, так как основное внимание в них обращено на логику и интуицию детективов, а не на интригу, связанную с фактом убийства. Напротив, в массовой беллетристике основной интерес держится на расследовании. Не случайно в английском языке появилось новое слово, выражающее суть детектива: «Whodunit» — сжатое до предела выражение из четырех слов: «Who has done it?» — «Кто это сделал?» (т. е. «Кто убил?»).

Существенным для понимания массовой беллетристики как части обыденной культуры становится наблюдение над формой ее презентации. Формат издания соответствует быту: одежде («rocket-book», дешевые карманные издания, предназначенные для чтения в дороге и выбрасываемые в урну по прочтении), дизайну интерьера (формат, вмещающийся на типовую полку, в роскошном переплете с суперобложкой, вписывающейся в дизайн с дорогими обоями, эксклюзивной мебелью). Даже у самых дешевых изданий яркая обложка, как правило, серийная (именно она привлекает внимание читателя, идущего вдоль прилавков магазина или по улице мимо киосков), в книгу включена реклама и сама она становится объектом рекламы.

Итак, в массовой беллетристике читатель (а не действительность и не автор) оказывается в центре внимания, нижние ступени читательского тезауруса, его повседневные, сиюминутные потребности определяют как содержание, так и стиль произведений. Сыграв свою роль по удовлетворению обыденных потребностей, эти книги выбрасываются, подобно другим предметам быта, а главное — тут же забываются, не оказывая глубокого воздействия на духовный мир человека, но и не претендуя на это воздействие. Однако если это верно применительно к отдельной книге, вся в целом массовая беллетристика формирует и удерживает в сознании человека, общества обыденную картину мира.

В настоящее время в гуманитарных науках разрабатывается новое осмысление понятия «дизайн»⁴⁸. Культурологическая интерпретация дизайна строится на его отнесении к особой разновидности культуры — к обыденной культуре, перерастающей в компьютерно-телевизионную эру в культуру повседневности⁴⁹. Это положение — своего рода ключ к пониманию природы, структуры, характерных особенностей, форм дизайна и его новейшей разновидности — компьютерного дизайна. При таком его понимании подчеркивается, что дизайн имеет установку не на авторское самовыражение или следование неким «объективным» эстетическим законам, а на те законы, которые устанавливает публика, законы, диктуемые потребителями обыденной культуры, следовательно, их уровнем развитости вкуса, характером ожиданий и предпочтений, их амбициями, степенью их внушаемости и т. д.

Дизайн — это профессиональное моделирование, позиционирование внешней стороны (облика, звучания и т. д.) реальных и виртуальных объектов и субъектов обыденной (для современности — шире — повседневной) культуры, создание (в настоящее время нередко с помощью компьютера) модного силуэта с целью повышения успеха презентации феноменов этой культуры без прямой связи с их функцией, содержанием и семиотическим значением, но в связи с интересами, вкусами, стереотипами реципиента дизайна, на учете которых строится его эстетическое и социальное воздействие. Из этого определения вытекает явная соотнесенность массовой беллетристики с дизайном. Иначе говоря, массовая беллетристика относится не собственно к искусству, а к дизайну, следовательно, оценивать массовую беллетристику нужно не по законам искусства, а по законам хотя и близкой, но все же иной сферы культурной деятельности — дизайна. Именно на этом пути можно будет разрешить парадокс развития массовой беллетристики.

⁴⁸ См., напр.: Луков Вл. А., Останин А. А. Дизайн: культурологическая интерпретация. М., 2005.

⁴⁹ Этот процесс описан в работе: Луков М. В. Телевидение: конструирование культуры повседневности: Дис... кандидата философских наук. М., 2006.

Об авторах докладов

Гайдин Борис Николаевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета.

Кузнецова Татьяна Федоровна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии Московского педагогического государственного университета, академик МАН (IAS, Инсбрук), МАНПО.

Луков Владимир Андреевич — доктор филологических наук, профессор, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки РФ, академик МАН (IAS, Инсбрук), академик-секретарь МАНПО.

Луков Михаил Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории культуры Гуманитарного института телевидения и радиовещания им. М. А. Литовчина.

Луков Сергей Валерьевич — кандидат социологических наук, магистр социальной работы (Германия), старший научный сотрудник Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета.

Новосадов Борис Константинович — доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Института геохимии и аналитической химии им. В. И. Вернадского РАН (г. Москва).

Ощепков Алексей Романович — кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы филологического факультета Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.

Соловьева Любовь Тимофеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН.

Терехов Виктор Петрович — научный редактор журнала «Этнографическое обозрение» Института этнологии и антропологии Российской академии наук.

Федотова Линда Владиславовна — кандидат филологических наук, доцент, декан факультета «Лингвистика» Армавирского лингвистического университета.

Содержание

<i>Луков С. В., Гайдин Б. Н.</i> Сотрудничество России и европейских стран в сфере высшего образования и диалог культур	3
<i>Новосадов Б. К.</i> Научная мысль и нечаянные парадоксы в естествознании	28
<i>Соловьева Л. Т.</i> Субэтнотним <i>самурзаканцы</i> : история и современность (проблема использования и интерпретаций в курсах гуманитарных наук)	34
<i>Терехов В. П.</i> Генезис отечественного памироведения (вузовский спецкурс)	46
<i>Ощепков А. Р.</i> Имагология в курсе «теория культуры».....	53
<i>Федотова Л. В.</i> Диалог народной и цивилизационной культур в балладах поэтов-лейкистов (новые акценты в вузовском преподавании романтизма)	59
<i>Кузнецова Т. Ф., Луков Вл. А., Луков М. В.</i> Литературная индустрия в массовой культуре (вузовский спецкурс)	64
Об авторах докладов	88

Научное издание

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ XXI ВЕКА

VII международная научная конференция

Москва, 18–20 ноября 2010 г.

Доклады и материалы

Секция 6

Высшее образование и мировая культура

Выпуск 2

Ответственные редакторы:

доктор филологических наук, профессор

Вл. А. Луков

доктор философии (PhD), кандидат филологических наук

Н. В. Захаров

Ответственный за выпуск:

кандидат философских наук Б. Н. Гайдин

Издательство Московского гуманитарного университета

Печатно-множительное бюро

Подписано в печать 16.11.2010 г. Формат 60X84 1/16

Усл. печ. л. 5,7

Тираж 100 Заказ №

Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1